

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

**БАМБА
И
КРАСАВИЦА
БУЛГУН**

ДЕТГИЗ · 1959

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

**ДАВИД
КУГУЛЬТИНОВ**

**БАМБА
И
КРАСАВИЦА
БУЛГУН**

*По мотивам
калмыцких сказок*

*Гравюры на дереве
Н. Побединской*

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1959

Калмыцкий писатель Давид Никитович Кугультинов родился в 1922 году в семье сельского учителя-калмыка.

Кугультинов с детства любил книги, чтение и очень рано сам начал писать стихи. Еще школьником он стал печататься в калмыцких газетах и журналах.

В 1940 году вышла первая книга стихов Кугультинова на калмыцком языке под названием «Стихи юности». С тех пор сборники стихов поэта неоднократно издавались и на родном и на русском языках.

В своих стихах Кугультинов пишет о нашей прекрасной родине, о простых людях, которые самоотверженным трудом умножают славу родной земли, о бесстрашных бойцах, защищающих отчизну, о молодежи и детях.

В 1958 году вышла поэма Кугультинова «Моабитский узник», посвященная памяти замечательного татарского поэта-героя Мусы Джалиля, и сборник стихов «Глазами сердца».

Участник Великой Отечественной войны, коммунист, поэт Кугультинов принимает живое участие и в общественной жизни республики. Кугультинов хорошо знает богатое устное народное творчество Калмыкии: эпос, сказки, легенды. Он и сам написал ряд сказок.

В этой книге напечатано несколько волшебных сказок, в которых прославляется любовь к родине, смелость и героизм, бескорыстная дружба и верность данному слову, бесстрашие и стойкость в борьбе с врагами.

СКАЗКА О СЛАВНОМ ЮНОШЕ МАНЬВАРХАНЕ И ПРЕЛЕСТНОЛИКОЙ ВЕНЧИКЕ НЕБЕСНОГО ЛОТОСА

Подножия высокой горы Манхган, в благоухающей долине реки Шильте-Зандан, несущей в своих водах жемчуга и кораллы, вокруг озера Шикир-Лу, расположена обетованная страна Бумба¹.

Счастливый народ Бумбы вот уже тысячу лет не знал войны и, достигнув изобилия во всем, жил в постоянной радости, ничего не деля на «твое» и «мое».

Пятьсот мудрейших белобородых старцев страны, восседавших на широких ширдыках² почета, правили течением жизни. Последнее слово при решении важных дел принадлежало пятисотлетнему ясновидящему старцу Цецену, ибо только он один мог читать Сокровенную книгу судеб и обладал тайнами волшебства.

¹ Б у м б а — волшебная страна.

² Ш и р д ы к — кошма.

С восходом солнца все мужчины страны уезжали в степи — перегонять скот на новые пастбища, или в леса — на охоту за диким зверем, посостязаться в силе, ловкости, храбрости. В селениях оставались лишь многоопытные старики, учившие детей тому, как быть счастливым, да женщины, занимавшиеся домашними делами.

С наступлением сумерек на окраинах селений раздавались призывные звуки трубы — бюшкюры. Образованные юноши, быстро вскочив на лошадей, торопились на надан — игрище, где девушки пели волнующие песни любви, юноши вихрем взлетали в воздух, подобно испуганному тушканчику, в такт мелодиям страстной домбры. А взрослые мужи вечерами собирались у костров и с великим наслаждением слушали вдохновенные песни певцов — джангарчи¹ о ратных подвигах предков.

Все реки и моря, долины и горы принадлежали народу. И только на берегах священного озера Шикир-Лу с незапамятных времен не ступала нога человека. Закон запрещал это. Никто из жителей страны Бумба не видел Шикир-Лу, ибо каждый знал, что узревший его будет несчастен на всю жизнь.

Но однажды строгий запрет был нарушен. И вот как это случилось.

Жил в стране Бумба юноша, по имени Маньвархан. Он был так хорош, что уже четвертый год девушки не выходили замуж, мысленно избрав в супруги Маньвархана. Старухи, говорят, целыми днями сидели молча, вспоминая свои восемнадцать лет и вздыхая: «Ах, почему этот юноша не встретился мне тогда!»

¹ Джангарчи — певцы, исполнители калмыцкого героического эпоса «Джангар».

Лик Маньвархана излучал сияние алмаза эрдени, а могучее тело его вобрало силу всех двенадцати времен года. Он был так умен, что постиг мудрость девятиности девяти наук о сущности бытия. Удача всегда сопутствовала ему.

Как-то раз Маньвархан вышел на охоту. Он догнал все, что видели его глаза. Вдруг из-под куста выскочил заяц. Только Маньвархан стал наступать на зайца — выскочила золотистая лиса. Юноша погнался за лисой. Он стал наступать лисе — выскочил дымчато-серый волк. Он погнался за волком. Стал наступать волку — выскочил из лесу марал. Он стал наступать маралу — открылось перед ним изумительное озеро Шикир-Лу. Вода его была настолько прозрачна и чиста, что можно было сосчитать мельчайшие песчинки на гладком дне. Высокие бамбуковые камыши шептались друг другу новость: на берегу появился человек. Эту новость услышали волны и понесли глубинным водам.

Маньвархан затаив дыхание глядел на несказанную красоту озера, любовался разбегом стеблей великолепных лилий и лепестками белых лотосов.

Голубые воды озера благоухали запахами весенних цветов. Завороженный Маньвархан, вместо того чтобы бежать обратно к людям, забыв о строжайшем запрете, подошел вплотную к воде с единственным желанием вкушать ее сладость. В это время он услышал чудесное пение. Дивный хор пел, казалось, где-то над ним. Маньвархан поднял свой взор кверху: по светлому поднебесью величавоплыли три серебристо-белых лебедя, словно три перистых облака. Они сделали небольшой полукруг над озером и стали плавно опускаться на берег. Коснувшись земли, лебеди взмахнули крыльями и

превратились в трех девушек-красавиц. Оставив на берегу свои лебединые одеяния, девушки вошли в воды озера.

Цвет их волос был похож на цвет солнца, цвет глаз — на небо, цвет кожи — на цвет коры юной березы. Когда они смеялись, их нежные голоса напоминали звон колокольчиков или звон ручейка, падающего со скалы.

«Откуда эти девушки? — думал Маньвархан. — Из какой страны они прилетели?» Чем дольше смотрел на них юноша, тем яснее чувствовал, что отныне в его жизни наступает новая пора — пора, полная тревог и радостей.

Искупавшись, девушки вышли на берег, снова превратились в лебедей и, прощально взмахнув крыльями, улетели в сторону заката.

Только после того как солнце зашло за горизонт и наступили сумерки, Маньвархан вспомнил, что пужно возвращаться домой. Он удивился этому. Ему казалось, будто он вечно стоял на берегу изумительного озера, наблюдая за купанием девушек-лебедей.

Он нехотя пошел домой.

Угрюмым молчанием встретил Маньвархана тихий весенний вечер. Яркие звезды, как прежде, сияли на низком небе, но не слышалось волнующего пения девушек, не слышался рокот домбры. Кто-то видел дчем, как Маньвархан, увлекшись погоней за маралом, переступил запретную черту. Весь народ был встревожен известием: впервые за много сот лет в стране появился обреченный. Закон Бумбы гласил: тот, кто видел священное озеро, изгоняется из родного края — он не должен смущать умы людей рассказами о недоступном человеку.

Маньвархан же был весел. Ему казалось, что

солнце перебралось в его грудь и оттого так светло на душе. Нарушая вечернюю тишину и траур скорбящей о нем страны, он запел могучим голосом ликующую песнь о своем счастье, о синих, как небо, глазах, о волосах золотистого цвета, о любви.

— Ты жив, родной мой! Жив! — встретила его мать со слезами и, словно не веря себе, оглядела с ног до головы.

Мать знала: последнюю ночь спит ее сын под родным кровом. Утром ясновидящий Цецен прочитает перед всем народом приговор Совета Мудрейших, и не станет у нее сына. Скорбной тенью он будет скитаться по белому свету, без друзей, без родины, проклиная час своего рождения, и негде будет ему приклонить свою голову. С восходом солнца мать сама должна была повести сына на суд старейшин.

Ночь в стране прошла беспокойно. Во всей Бумбе, безмятежно улыбаясь, спал только один человек: Маньвархан. Во всех кибитках был слышен взволнованный шепот девушек и женщин. Они совещались по поводу того, как спасти Маньвархана. «Пусть лучше солнце померкнет, — говорили они, — только бы Маньвархан остался среди нас. Лучи, исходящие от лика Маньвархана, дарят нам счастье, в то время как солнце дает нам лишь свет и тепло».

Ясновидящий мудрец Цецен, как только получил весть о нарушении запрета юношей, по имени Маньвархан, вошел в Кибитку Размышлений и погрузился в думы. Следуя в глубь веков по родословной юноши, он установил, что Маньвархан — его потомок в двадцать пятом колене. Это открытие заставило старика торопливо подняться с места и дрожащими руками извлечь Сокровенную книгу судеб, взглянуть на таинственные знаки. Они гласили, что его, Цецена, сменил

юноша, по имени Маньвархан. С именем этого юноши начнется родство сынов земли и дочерей далекой звезды Алтан.

— Как совершится это родство? — спросил у железных страниц Сокровенной книги изумленный Цецен, почтительно опускаясь на колени и вздымая кверху высохшие, желтые руки.

Все силы своего немощного тела он превратил во внимание. В совершенной тиши синеватого полумрака Кибитки Размышлений явственно послышался торопливый бег мгновений, невнятный шелест сменяющихся веков, медленные сдвиги тяжелых пластов тысячелетий.

— Как же совершится это родство? — еще раз тихо, но настойчиво спросил Цецен.

Книга ответила:

«У южного мыса озера Шикир-Лу растут три высокие, ветвистые сосны. Под средним деревом хранится волшебная салма — аркан, обладающий свойством задерживать все, чего коснется. Она свита из нежного пуха золотого верблюжонка, и ею, когда настанет срок, овладеет юноша, по имени Маньвархан. Он женится на средней из трех девушек-лебедей».

После этого необыкновенного откровения Цецен не смог уснуть и прободрствовал до утра.

К восходу народ страны Бумба стал стекаться со всех концов к семибашенному дворцу Совета Мудрейших. Широкая площадь перед дворцом почернела от людей.

Все ждали. Тихо открылась дверь Кибитки Размышлений, плавно поднялся шелковый полог, и вышел оттуда, держа в руках Сокровенную книгу судеб, ясновидящий Цецен. Он поклонился народу до земли и сказал:

— Великий запрет нарушен юношей Маньварханом.

— Поступить согласно закону! — не дав договорить Цецену, зло выкрикнул мужчина, выбежавший из толпы.

Он был зол на Маньвархана.

— Если будет изгнан Маньвархан, все девушки и женщины покинут Бумбу — таково наше твердое решение! — воскликнули три девушки, вышедшие из рядов женщин.

— Мы не хотим ухода своих жен и сестер! — кричали мужчины, потрясая кнутовищами.

Ясновидящий Цецен поднял руки. Тревожный гул на площади стал постепенно стихать.

— Сокровенная книга судеб, — сказал он в наступившей тишине, — предсказывает необыкновенное будущее сыну нашей страны — юноше Маньвархану. Он останется в стране!

Услышав столь неожиданное решение Совета Мудрейших из уст высокочтимого Цецена, народ облегченно вздохнул и благоговейно опустил перед ним на колени.

— Я скоро уйду от вас в другой мир, — продолжал Цецен, — и Сокровенная книга судеб будет передана в руки юноше Маньвархану, ибо только ему из смертных дано постичь таинственные знаки всеведущей книги...

— Да будет так!

— Слава мудрому Цецену!

— Слава Маньвархану! — кричал восторженно народ.

А Маньвархан не шелохнувшись стоял на месте. Радостная улыбка озаряла его лицо. Взор был устремлен на небо. Он видел перед собою девушек-

лебедей — глаза, похожие на лазурь, волосы, похожие на солнце, — слышал чудесное пение и веселый плеск серебристых волн, ударявшихся о белые плечи красавиц. Он не понимал того, что происходило вокруг. Юноша жил в другом мире — в мире мечты.

— Маньвархан, — тронула его за плечи счастливая мать.

Сын повернулся к ней.

— Теперь ты равный в Совете Мудрейших, — сказала мать и повела его к ясновидящему Цецену.

— Садись, сын мой, — с уважением пригласил Маньвархана Цецен. — Я счастлив сообщить тебе великую радость: средняя из трех девушек-лебедей, купающихся в священном озере Шикир-Лу, станет твоей женой, — сказал мудрец, почтительно кланяясь Маньвархану.

Он рассказал о том, что поведала ему в эту ночь Сокровенная книга судеб.

— Можно ли мне сейчас же идти за волшебной салмой? — спросил Маньвархан, поднимаясь с места.

— Иди! — благословил его Цецен.

Маньвархан мгновенно оказался у южного мыса Шикир-Лу, где росли три высокие ветвистые сосны. Под корнем средней он обнаружил сундук из сандалового дерева, обитый серебряными гвоздями. В нем лежала волшебная салма, свитая из нежного пуха золотого верблюжонка.

Священное озеро Шикир-Лу было беспокойно, серебристые волны тревожно бились о берег.

Маньвархан пришел на берег озера, вошел в густые заросли камыша, с нетерпением стал ждать появления девушек-лебедей. Когда солнце поднялось к полудню, в небе послышалось знакомое пение. Три

лебедя, будто три перистых облака, стали тихо опускаться на берег. Они сбросили свои одеяния, преобразились в девушек и молчаливо, оглядываясь друг на друга, настороженно вошли в воду.

— Что-то не хочется мне сегодня купаться, — грустно сказала средняя сестра, не решаясь отойти от берега.

— Для чего же мы тогда столько летели? — спросила старшая сестра, тоже не решаясь отойти от берега.

— Лучи солнца так жгучи на высоте! Купайся! — пригласила младшая сестра.

Глядя на купание трех сестер, Маньвархан чуть не забыл о своей волшебной салме. Только тогда, когда девушки, закончив купание, стали подплывать к берегу, он вспомнил Цецена. Старательно набрал он в свои легкие воздух и нырнул в сторону девушек. В зеленовато-желтой прозрачной воде он увидел над собой три гибкие фигуры плывущих сестер.

— В воде плывет чудовище! — воскликнула старшая сестра и быстро стала выходить из воды.

Кончиком указательного пальца она коснулась своего волшебного одеяния и превратилась в лебедя.

На одну четверть не достигла берега средняя сестра — ее ноги коснулась салма Маньвархана.

Она пыталась вырваться, но нежная салма, обвиняя ее с ног до головы, превратилась в красивый шелковый наряд земной девушки. Два лебедя в тоске кружили над ними. Светлые слезы лебедей падали на землю каплями дождя.

— Отпусти меня, чудовище! — плача и дрожа от страха, закричала девушка.

— Я не чудовище, я человек, я люблю тебя! — тихо произнес Маньвархан, готовый отпустить девуш-

ку. — Я ждал тебя всю жизнь. Посмотри на меня, — сказал он, слегка касаясь ее локтя пальцами.

Услышав голос, в котором звучало столько ласки, веры, надежды, девушка невольно взглянула на Маньвархана... и замерла. Ей казалось, что она давно знакома с этим юношей. Не однажды он приходил к ней во сне и она взволнованно слушала его ласковые речи. Она не знала, откуда он, куда зовет, но была счастлива при мысли уйти с ним куда угодно. И вот этот юноша стоял перед нею: ясноликий, долгожданный.

— Меня зовут Маньварханом. Как зовут тебя, скажи мне, любимая! — говорил юноша, глядя в лучистые голубые очи красавицы.

Она опустила длинные ресницы, как бы боясь того, что юноша прочтает ее заветные, сокровенные мысли.

— Я отпущу тебя, лишь прикажи! — прошептал Маньвархан, прижимая ее маленькие белые руки к своей мощной груди.

— Зовут меня Венчик Небесного Лотоса, — ответила девушка нежным голосом, — и отпускать меня, если можно, не надо, — сказала она краснея.

Маньвархан, как пушинку, поднял на руки Венчик Небесного Лотоса и бережно понес домой.

Народ страны Бумба во главе с Советом Мудрейших встречал их у подножия горы Манхган, на живописном берегу шумной реки, несущей в своих водах жемчуга и кораллы.

Пятисотлетний мудрец Цецен под всеобщий гул одобрения произнес свой знаменитый йорел¹, который с тех дней до сих пор повторяется калмыками.

¹ Йорел — благопожелание.

— Зовут меня Венчик Небесного Лотоса, — ответила девушка
нежным голосом...

Он сказал:

— Да будет вечной ваша любовь, ибо любовь — солнце нашей жизни. Да будут вечно счастливы дети и внуки ваши, ибо человек рождается для счастья. Да пребудет неколебимой Бумба, ибо радость народа — в благоденствии отечества.

— Да будет так! — отвечал дружным хором ликующей народ.

Так поженились славный сын земли Маньвархан и прекрасная дочь далекой звезды Алтан — Венчик Небесного Лотоса. Семью семь — сорок девять дней праздновал народ Бумбы великую свадьбу. Семью семь — сорок девять дней слышались веселые песни шумных пиров.

По совету ясновидящего Цецена народ Бумбы соорудил для молодых высокий дворец, который был всего на три пальца ниже небесного купола. Дворец был так красив, а золотые башни так сверкали, что иные путники не могли определить, отчего так ярок день: оттого ли, что солнце светит в небе, или оттого, что есть на земле дворец славного Маньвархана.

Каждый день, с утра, Маньвархан и Венчик Небесного Лотоса садились на коней и уезжали в степь. Пролетит ли над ними птица или свистнет над норою суслик — Венчик Небесного Лотоса поднимала указательный палец и спрашивала:

— А это что?

Она вслушивалась во все степные шорохи, все хотела знать, ко всему относилась восторженно.

— Не соскучилась ли по дому? — иногда спрашивал Маньвархан.

— Дома нет моего Маньвархана! — улыбаясь, отвечала Венчик Небесного Лотоса.

— Недавно я хотел вспомнить свою жизнь до

встречи с тобой и не смог. Будто я не жил, — признался как-то Маньвархан.

— Вся наша жизнь — путь к счастью, — слегка задумавшись, отвечала на признание Маньвархана Венчик Небесного Лотоса.

Но недолгим было счастье Маньвархана и Венчика Небесного Лотоса.

Однажды, возвращаясь с озера Шикир-Лу, они увидели на башнях дворца Совета Мудрейших развевающиеся черные знамена войны. Впервые за последнее тысячелетие тишина Бумбы была нарушена звуками военных труб.

Глашатаи неслись из конца в конец страны, созывая всех, кто способен носить оружие, на защиту отчества. Под боевыми знаменами собрались воины, облаченные в стальные и медные доспехи. На Бумбу неожиданно напал коварный враг.

Маньвархан застал мать в слезах. Она уже приготовила сыну оружие, вытащила чешуйчатые стальные панцири предков. Меч и копье блестели, ожидая хозяина.

— Сын мой, — говорила мать, — не посрами имени своего!

Венчик Небесного Лотоса недоуменно смотрела вокруг. Она не понимала, что все это означает.

— Маньвархан, на какую охоту собираешься? — спросила она своего мужа.

Только тут Маньвархан вспомнил, что ей неведома война.

— Враги напали на нашу родину. Мы должны защищать ее, иначе все мы погибнем, — сказал он.

— Кто же наши враги? Бури, ветры или владыка бурь семиголовый змей Мус? — спросила она.

— Нет, — ответил Маньвархан, — они такие же люди, как мы.

— Они могут убить тебя? — с тревогой спросила Венчик Небесного Лотоса.

— Да, — коротко ответил Маньвархан.

— Что же я им сделала плохого? — в слезах произнесла Венчик Небесного Лотоса. — За что они хотят отнять тебя?

В это время на улице протрубила труба, вызывавшая Маньвархана.

— Матушка, — сказал он, прощаясь с матерью, — больше жизни люблю я Венчик Небесного Лотоса. Берегите ее. Если ей будет угрожать опасность, дайте ей лебединое одеяние.

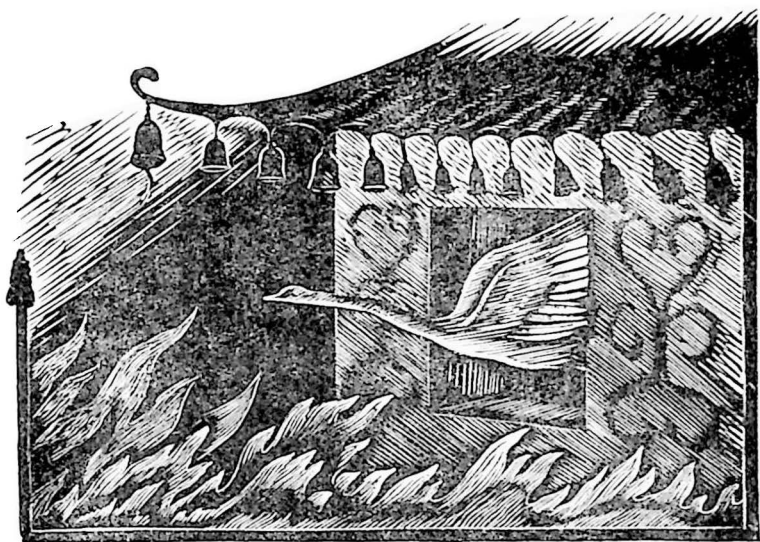
Он долго не мог оторваться от своей любимой — она не отпускала его. Второй посыльный еще раз напомнил Маньвархану о походе.

Все мужчины страны Бумба ушли на войну. Столько полков ушло на войну, что дороги на девять локтей¹ опустились ниже. Много месяцев шла кровопролитная битва на границе Бумбы. Имя Маньвархана; оваянное славой первого героя, гремело по стране.

В это время девушки и женщины Бумбы, пользуясь отсутствием Маньвархана, решили отомстить Венчику Небесного Лотоса за то, что, как они говорили, она похитила самого прекрасного юношу вселенной. Они решили убить Венчик Небесного Лотоса. Когда мать Маньвархана узнала об этих коварных замыслах, она стала оберегать невестку, как самое дорогое свое дитя. Свекровь никуда не выпускала Венчик Небесного Лотоса, а на ночь запирала на все замки стальные двери дворца.

¹ Локоть — старая мера длины.

Однажды девушки и женщины Бумбы вырыли глубокую яму под стальным дворцом Маньвархана, сбросили туда пять тысяч телег угля и подожгли. Когда дворец накалился и нечем стало дышать, мать Маньвархана вытащила лебединое одеяние Венчика

Небесного Лотоса и дала ей, приказав спастись. Коснувшись своей волшебной одежды, девушка снова превратилась в лебедя и вылетела через окно дворца. Она пролетела над головами девушек и женщин, собравшихся у стального дворца.

— Ведьма! Ведьма! — закричали они, заметив над собой пролетающего лебедя.

Венчик Небесного Лотоса видела, как тонкие языки желтоватого пламени, извиваясь, поднимались все выше и выше. Дворец, в котором Венчик Небесного

Лотоса познала счастье, рушился на ее глазах. В нем страшной смертью погибала та, кто дала жизнь ее любимому, несравненному Маньвархану, — добрая старая мать Маньвархана. Сердце Венчика Небесного Лотоса сжалось от боли и горя, и так она заплакала, что слезы ливнем залили землю. Потоки слез Венчика Небесного Лотоса погасили пылающие угли и охладили раскаленный дворец. Мать Маньвархана была спасена.

Венчик Небесного Лотоса решила вернуться к своим родным. Крылья поднимали ее вверх, но неодолимая сила тянула ее вниз, на землю. Она хотела передать свои последние слова Маньвархану и опустилась у Кибитки Размышлений, где вот уже несколько дней сидел мудрейший Цецен, погруженный в думы. Он размышлял о будущем своей отчины. Страна, которая совсем недавно благоденствовала, была разорена. Обмелели озера и реки. Венчик Небесного Лотоса вынуждена была несколько раз дернуть за полу халата Цецена, чтобы вывести его из состояния размышления.

— Мудрейший Цецен, — сказала она, — я покидаю эти края. Передайте моему возлюбленному Маньвархану, что без него не будет мне счастья. Но нельзя оставаться здесь. Пусть не забывает меня мой Маньвархан. Передайте ему вот это кольцо со священным черным камнем эрдени. Душа моя будет всегда черна, как этот камень, от тоски. Скажите ему, чтобы не искал меня, ибо он, найдя меня, потеряет жизнь.

С этими словами она вышла из Кибитки Размышлений и улетела.

Войска страны Бумба под водительством славного, бесстрашного Маньвархана, победив врага, воз-

вращались домой. Последний недруг Бумбы был покорен, и теперь никто не угрожал великой державе.

Воины ликовали, предчувствуя радостные встречи. Маньвархану казалось, что пешком он быстрее добежал бы до своего стального дворца, в котором ожидала его прелестноликая Венчик Небесного Лотоса. С песнями под звуки победных труб по зеленым лугам весело мчались домой воины-победители. Достигнув горы Манхган, где обычно проводились торжества, воины были удивлены тем, что никто не вышел их встречать. Холодно и неуютно стало на душе у всех. Воины увидели на каждой кибитке вывешенное древко печали. У семибашенного дворца Совета Мудрейших лежал доживавший последние дни старик Цецен. Он сказал, что враги напали с другой стороны, опустошили землю, разрушили дворец Маньвархана и убили Венчик Небесного Лотоса.

Чернее черной тучи молча стоял Маньвархан.

— Где они, враги? — глухо спросил он Цецена.

Цецен молчал.

— Где они? — еще раз спросил Маньвархан, поднимая Цецена.

Цецен молчал.

— Мудрейший! Мы тебе доверили страну. Как же ты допустил это? — произнес Маньвархан, опуская старца на землю.

Женщины и девушки страны Бумба, проходившие мимо, опускали долу взгляды, стыдясь своего поступка. Мать Маньвархана беззвучно вытирала катившиеся слезы.

Маньвархан вскочил на своего коня и ускакал в степь. Обуянный великим горем, он один оплакивал его в пустыне. Люди и звери содрогались, слыша его неутешный плач. Реки и озера наполнились слезами

Маньвархана, и с тех пор вода стала впервые соленой в морях и океанах. Так тяжело вздыхал Маньвархан, что вздохи его бурей прокатывались над землей, срывая с деревьев листья.

— Как же я не уберег тебя, Венчик Небесного Лотоса! — говорил Маньвархан, проливая горькие слезы.

Долго скитался Маньвархан по степям и пустыням. Вдруг он увидел коршуна, который распростер свои крылья над гнездом с птенцами жаворонка.

— Чем ты, коршун, занят? — спросил его Маньвархан.

Коршун отвечал:

— Да вот мать улетела в поисках корма, а я оберегаю птенцов от палящих лучей солнца.

Отъехав некоторое расстояние, Маньвархан обернулся и увидел, как коршун поедает птенцов. «Оказывается, на свете существует ложь», — подумал Маньвархан.

На другой день он увидел пролетающую ворону, которая несла в когтях рака.

— Для чего ты несешь рака? — спросил у вороны Маньвархан.

Смутившись, ворона отвечала:

— Переношу его с грязного болотца в чистое озеро.

Отъехал Маньвархан немного, а потом обернулся и увидел, как ворона расклевывает рака. «Значит, на свете много лжи», — подумал Маньвархан.

На третий день Маньвархан проезжал мимо одного озера и увидел людей, которые тянули невод.

— Что вы делаете? — спросил людей Маньвархан.

Люди ответили:

— Озеро от тины очищаем, чтобы рыбам просторнее было плавать.

Отъехал Маньвархан, а потом обернулся и увидел, как люди вытаскивали из невода рыбу. «Значит, на свете очень много лжи, — подумал Маньвархан. — А вдруг Цецен сказал мне неправду?.. А вдруг Венчик Небесного Лотоса жива?» — подумал он тут же, и эта мысль целиком овладела им. Маньвархан видел перед собой образ дорогой матери в час прощания, вспомнил свою последнюю просьбу беречь Венчика Небесного Лотоса. Он на мгновение представил, как мать передает Венчику Небесного Лотоса ее лебединое одеяние.

После многих дней скитаний Маньвархан повернул своего коня в сторону родного селения.

В это время у кибитки умирающего Цецена собрались все девушки и женщины страны с матерью Маньвархана и молили его возвратить Маньвархана. Они глубоко раскаивались в своем злом поступке.

— Я вижу, как Маньвархан возвращается домой, — сказал слабым голосом Цецен, — но горе его сделалось еще глубже, ибо он узнал о существовании лжи, Сейчас он должен прибыть сюда.

Обернувшись, женщины и девушки увидели всадника, который спускался с зеленого холма на исхудавшем и уставшем коне. Маньвархана нельзя было узнать. От прежнего цветущего юноши остались кости да кожа. Лишь глаза светились по-прежнему. Он слез с коня и подошел к Цецену.

— Я усомнился в твоих словах, старик, — хмуро сказал Маньвархан.

— Ты видел коршуна, ворону и рыбаков, которые тебе солгали, — отвечал ему Цецен. — Но почему они солгали? Ведь им легче было бы правду сказать. Ты

подумал об этом? Но от их правды тебе не было бы легче. Они солгали, чтобы ты чувствовал себя лучше: Добра тебе желали. Значит, чего больше в мире: добра или зла?.. Перенеси меня в кибитку, — попросил Цецен Маньвархана.

В синеватом полумраке Кибитки Размышлений Цецен передал в руки Маньвархана Сокровенную книгу судеб.

— Я сейчас усну, — еле слышно сказал ясновидящий, — а Венчик Небесного Лотоса жива. Вот кольцо, которое она передала тебе... Когда я усну, ты трижды оклихни меня и, если не отзовусь, выйди на улицу. Там тебя будет ждать крылатый волшебный конь. Садись на этого коня, и он поможет тебе найти Венчик Небесного Лотоса.

Старик умолк. Сомкнулись желтые веки. Маньвархан трижды окликнул Цецена. Он не отвечал.

Весть о том, что Венчик Небесного Лотоса жива, вмиг преобразила Маньвархана. Будто солнце осветило его мрачную душу. Он поклялся найти Венчик Небесного Лотоса, только бы она была жива.

Выполняя повеление Цецена, Маньвархан вышел на улицу.

На привязи гарцевал золотистый крылатый конь.

Конь бил о землю твердыми, словно камни, копытами и высекал искры. Он наклонял стройную журавлиную шею с густой шелковистой гривой вправо и касался пушистой челкой серебряной дужки стремени правой ноги, наклонял влево — касался серебряной дужки стремени левой ноги. Могучая крутая грудь говорила о выносливости коня, стремительно вытянутый корпус говорил о скорости, острые бархатные уши говорили о чуткости, сверкающие глаза говорили о зоркости.

Нежными хлопьями ваты падала на землю розовато-белая пена.

Только коснулся стремени, только вскочил в седло, только слегка натянул Маньвархан золотые поводья — волшебный конь, словно тушканчик, вспрыгнул и плавно стал подниматься в небеса. Его могучие

крылья подобно веслам разгребали прозрачную синь воздуха. Под ними мелькали голубые реки и высокие горы, темные леса, моря и океаны. Они неслись в сторону заката солнца, откуда прилетели сестры-лебеди купаться в священных водах Шкир-Лу.

Много дней летел Маньвархан. Однажды на вершине белого кургана он увидел сайгака, который наблюдал за ним. Маньвархан опустился ниже и обратился к сайгаку:

— У тебя точеные ноги, которые быстрее ветра. У тебя несравненные всевидящие глаза. У тебя гордый орлиный нос. Ты похож на владыку птиц, царицу воздуха. Может, ты так же тоскуешь в поисках любимой, как я? О прекрасный, помоги мне! Не видел ли ты мою жену — Венчик Небесного Лотоса?

Польщенный сайгак ответил:

— Недавно она пролетала здесь. Мне показалось, что недалеко осталось ей лететь. Она полетела в сторону заката.

Маньвархан выслушал его и продолжал свой путь в том направлении, куда указал сайгак. Летел он, летел и через день пути увидел огненные ворота. Волшебный золотисто-рыжий конь взмахнул всеми крыльями, рванулся вверх, и Маньвархан оказался за воротами. Перед ним расстилались голубые просторы. Вдали виднелись отроги небесных гор. Голубые травы были нежны и благоуханны. Повсюду цвели яркие цветы.

Маньвархан решил дать отдых коню и себе. Снял седло, стреножил золотисто-рыжего и пустил пастись. Сам он положил голову на подушку седла и вздремнул. В это время с запада показалось восходящее солнце. Только стал засыпать Маньвархан, как до его слуха донесся плеск воды. Открыв глаза, он увидел девушку, которая с восхищением смотрела на него, держа на плечах кувшин с водой. Она впервые видела такого красивого юношу. Лицо Маньвархана излучало свет благородного камня эрдени, на лбу отражалась мудрость девяноста девяти наук о сущности бытия, в могучих руках чувствовалась мощь всех двенадцати времен года. «В какой стране, какая мать родила его? Какая счастливая, в какой стране любимая этим прекрасным витязем?» — думала девушка.

Позабыв свои дела, она простояла у колодца очень долго и, спохватившись, торопливо убежала домой. Потом девушка с кувшином снова пришла к колодцу и, как в первый раз, простояла, любуясь Маньварханом, до вечера.

Маньвархан спросил девушку:

— Ты пришла утром и простояла здесь до обеда. Пришла после обеда и простояла здесь до вечера. Кто ты и куда ты носишь воду?

Услышав голос Маньвархана, девушка потеряла дар речи, потом, оправившись, смущенно отвечала:

— Вернулась дочь нашего повелителя, прекрасная Венчик Небесного Лотоса, и вот уже несколько дней мы отмываем ее после долгой дороги.

— Как же вы это делаете? — спросил Маньвархан, скрывая свою несказанную радость.

— Я тонкой струйкой лью из кувшина воду на одно и то же место, пока оно не отмоется, — отвечала девушка.

— Это делается не так, — сказал Маньвархан с видом знающего человека, — правда, сначала нужно лить тонкой струйкой, но под конец всю воду нужно выплеснуть сразу. Дай-ка кувшин, я тебе зачерпну, — предложил он свои услуги.

Девушка охотно отдала свой кувшин. Маньвархан зачерпнул воды и незаметно для нее опустил в кувшин кольцо Венчика Небесного Лотоса. Девушка поблагодарила Маньвархана и ушла во дворец.

Она стала мыть свою хозяйку так, как учил Маньвархан. Сначала лила воду тонкой струйкой, потом выплеснула всю сразу. Из кувшина выпало кольцо с черным камнем эрдени. Лицо Венчика Небесного Лотоса озарилось неопишуемой радостью. Она вскочила

с места и, взволнованно пожимая руки своей служанки, плача и смеясь, спросила:

— Ты его видела? Скажи, он там?

— Да, — ответила девушка. — Я не думала, что могут быть такие красивые юноши! Он сейчас у колодца.

— Приведи его сюда, да чтобы никто не видел, — попросила Венчик Небесного Лотоса.

Пока шел этот разговор между двумя молодыми женщинами, голубые сумерки вечера сменились синей ночью.

Служанка Венчика Небесного Лотоса с радостью побежала исполнять приказание своей госпожи. Она незаметно провела Маньвархана в покои хозяйки.

— Никуда я теперь тебя не отпущу! — плача, шептала Венчик Небесного Лотоса.

— Любимая, — говорил в ответ Маньвархан, — когда я узнал, что ты жива, я поклялся: хоть умереть, но найти тебя!

Так, позабыв обо всех печалях на свете, они говорили до утра. Каждый из них говорил о своей любви, и она была светла, как солнце, беспредельна, как вселенная. Маньвархану и Венчику Небесного Лотоса казалось, что страшное горе не омрачало их счастливую жизнь.

Утром Венчик Небесного Лотоса сказала со слезами на глазах:

— Милый мой, родители очень сердиты на тебя за то, что ты задержал меня. Они тебе никогда не простят этого и не благословят нас.

— Тогда улетим обратно! — горячо сказал Маньвархан.

— Нет, — подумав, ответила Венчик Небесного Лотоса, — я поговорю с отцом и матерью. Может, мне

удастся уговорить их. Если они не простят тебя, я согласна бежать с тобой даже под землю!

Пошла Венчик Небесного Лотоса к родителям и сказала:

— Милый мой отец, милая моя мать, я вас очень люблю и очень скучала без вас, но я несчастлива здесь!

— Родная моя, что с тобой?—взволнованно спросил отец.

— Скажи, что мешает быть тебе счастливой? — с тревогой спросила мать.

— Как бы вы поступили, — отвечала им дочь, — если бы вдруг явился мой муж, без которого мне жизнь не мила?

— Слишком тяжка его вина перед нами, чтобы простить, — сказал отец.

— Он столько горя нам принес, что едва ли можно простить, — несмело сказала мать.

— Разве он виновен в том, что полюбил меня? — грустно начала говорить Венчик Небесного Лотоса. — А сам он, Маньвархан, так хорош, что не полюбить его нельзя. Лицо его излучает нетленный свет благородного камня эрдени, на лбу отражается мудрость девяноста девяти наук о сущности бытия, его могучие руки вобрали мощь двенадцати времен года. Когда я сплю, сияние его красоты делает счастливым сновидение; когда я бодрствую, его присутствие делает мою жизнь светлой. Простите его!

— Если он так хорош, как говоришь ты, прежде чем принять решение, надо подумать, — сказал отец Венчика Небесного Лотоса.

— Ваша правда, — согласилась мать.

— Вы его сегодня увидите! — решительно сказала Венчик Небесного Лотоса и ушла.

...Мать и отец видели, что дочь их вернулась совсем другой. Они заметили ее постоянную грусть и задумчивость.

Поговорив между собой, родители Венчика Небесного Лотоса решили убить Маньвархана, ибо он причинил им слишком много горя. К тому же, рассуждали они, пока он жив, дочь все время будет думать о нем.

А Венчик Небесного Лотоса велела Маньвархану оседлать своего золотисто-рыжего и промчаться под окнами дворца, чтобы ее родители посмотрели на него. Отец Венчика Небесного Лотоса незаметно приготовил свой длинный меч и стал ждать появления Маньвархана.

Вдруг раздался свист летящей стрелы, и мимо окна промчался Маньвархан. Старик взмахнул мечом, но на три пальца не достал до хвоста коня. Однако он успел заметить все достоинства зятя. Мать Венчика Небесного Лотоса была очарована Маньварханом.

— Мне он понравился, — сказал отец Венчика Небесного Лотоса.

— Я рада за тебя, — сказала мать Венчика Небесного Лотоса, обращаясь к дочери.

— Я увидел его ум и красоту, но мощь и отвагу нужно еще испытать, — добавил отец.

— Где ум и красота, там должны быть отвага и мощь, — слабо возразила мать Венчика Небесного Лотоса.

Родители попросили дочь, чтобы она привела Маньвархана к ним. Маньвархан надел свое лучшее платье и явился во дворец.

После того как они побеседовали и узнали друг друга, отец Венчика Небесного Лотоса сказал:

— Звездочеты и прорицатели моей державы установили, что там, где солнце садится за горизонт, растет ветвистое черное дерево. На нем — гнездо семиглавого змея Муса, который должен причинить зло моей дочери Венчику Небесного Лотоса. Если ты действительно любишь мою дочь, ты должен найти гнездо этого змея и убить его.

— Я готов, — коротко, но с достоинством ответил Маньвархан.

— В доказательство того, что ты убил змея Муса, привези с черного дерева три листика.

— Привезу, — твердо сказал Маньвархан.

— В дорогу возьми вот это, — сказал отец Венчика Небесного Лотоса, подавая ему три лепешки, — воздух на полудневном пути от черного дерева отравлен ядом Муса. Когда подъедешь на это расстояние к дереву, съешь одну лепешку. Вторую лепешку съешь, когда будешь вступать в бой с Мусом-змеем. третью лепешку съешь, когда победишь его.

Маньвархан простился со всеми и отправился в путь.

Отец Венчика Небесного Лотоса дал Маньвархану меч своего деда. Только этим мечом можно было убить страшного Муса-змея.

Через семь дней пути Маньвархан заметил, как начинает блекнуть голубая трава долин, а еще через день пути началась выжженная ядом змеи желтая пустыня. Воздух был наполнен едкой гарью. Маньвархан вытащил из кармана лепешку, половину съел сам, другую отдал коню. Далеко на горизонте он увидел огромное черное дерево, с ветвей которого поднимались коричневые клубы яда. Маньвархан вытащил меч и вихрем помчался к дереву. Шурша сухой чешуей, навстречу ему полетел семиглавый змей.

Все семь голов его извивались в разные стороны и дышали пламенем.

— Прежде чем убить, я хочу знать, кто осмелился выйти против меня! — громоподобным голосом спросил змей.

— А ты назови себя! — дерзко отвечал ему Маньвархан.

— Я в своей груди несу смерть! И никому не дано меня победить! Хо-хо-хо! — самодовольно рассмеялся змей Мус.

— Я несу в своей груди любви! Я сын земли Маньвархан! — сказал храбрый юноша, вступая в поединок.

Он быстро вытащил вторую лепешку, половину съел сам, другую дал коню. Услышав, что Маньвархан сын земли, змей Мус задумался, но потом, подняв все семь голов, бросился навстречу. Маньвархан взмахнул своим мечом и снес змею сразу три головы. Тогда Мус схватил юношу, почти оторвав от седла. Волшебный золотисто-рыжий конь так взмахнул крыльями, что сразу отсек ему еще две головы. Маньвархан вторым ударом меча снес оставшиеся две головы и изрубил змея на мелкие части. Потом вытащил третью лепешку и поделился ею с конем. После этого Маньвархан взял три листика черного дерева, все дерево с гнездом и останками Муса спалил, а сам уехал к жене.

Вся держава встречала Маньвархана как знаменитого героя, избавителя от жестокого чудовища. Многие отваживались на битву со страшным Мусом, но никто не побеждал его. Каждый год страна платила дань Мусу лучшими девушками царства.

Семью семь — сорок девять дней праздновали победу над Мусом и свадьбу Маньвархана и Венчика

Небесного Лотоса. Самый прославленный мудрец сказал:

— Слава героям во веки веков! Слава сыну земли и зеленой земле! Слава любви, преодолевающей все преграды!

— Слава любви, преодолевающей все преграды! — повторили, ликуя, все жители, звери и птицы, травы и ветры. И золотым эхом, как чудесная музыка, пролетели эти слова над землею и месяцем, над солнцем и звездами.

Отец и мать Венчика Небесного Лотоса, провожая своих детей, просили прощения у Маньвархана за свои недобрые намерения.

Много подарков сделал народ Маньвархану и Венчику Небесного Лотоса. Но не драгоценные камни, не бриллианты, не золото и серебро радовали сердца молодых. Много платьев с лебедиными летающими крыльями преподнесли в дар Маньвархану и Венчику Небесного Лотоса, в дар далеким друзьям.

Весть о прибытии Маньвархана и Венчика Небесного Лотоса быстрее ветра разнеслась по всей Бумбе. Ликованию народа не было конца.

Все жители Бумбы встречали Маньвархана и Венчика Небесного Лотоса. Молодым трудно было пробираться сквозь толпу восторженного народа. А когда всадники оказались перед коленопреклоненным Советом Мудрейших, волшебный конь вдруг стал как вкопанный и тихо произнес человеческим голосом:

— Устал.

— Где же мудрейший Цецен? — спрашивали люди Маньвархана, после того как он и Венчик Небесного Лотоса сошли с коня.

— Не знаю, — отвечал Маньвархан, удивляясь тому, что у него спрашивают о мудром Цецене.

— Здравствуй, народ мой! — воскликнул вдруг Цецен, поднимаясь с того места, где стоял золотистогорыжий конь.

— Цецен! — закричал изумленный народ.

— Цецен! — закричали Маньвархан и Венчик Небесного Лотоса, обнимая древнего доброго старца.

Семью семь — сорок девять дней праздновала Бумба великий праздник. Маньвархан, Венчик Небесного Лотоса и их счастливая мать простили женщинам и девушкам Бумбы злое деяние, совершенное от любви к самому красивому юноше вселенной. снова жизнь потекла так же радостно, как в былые времена. Люди зажили, как прежде, ничего не деля на «твое» и «мое», не ведая ни войны, ни болезни, не зная ни зла, ни вражды.

Много лет жили счастливо Маньвархан и Венчик Небесного Лотоса, окруженные любовью и почетом народа. Много у них было детей, внуков, правнуков.

И с тех пор, говорят, в жилах людей течет могучая кровь сынов земли и нежная кровь дочерей далекой звезды Алтан. И потому в людях всегда живет стремление к манящим высотам, к звездам!

БАМБА И КРАСАВИЦА БУЛГУН

Когда-то, давным-давно, у хана страны элютов¹ Шарка жил в работниках юноша-сирота, по имени Бамба. Все во дворце обижали беззащитного Бамбу. Его кормили объедками со стола хана, и то после того, как досыта наедятся собаки.

Однажды Бамба нашел в степи золотое яйцо и принес его во дворец. Полюбовался хан яйцом и говорит:

— Раз нашел яйцо, найди и золотую курицу. Найдешь — мою младшую дочь в жены возьмешь, не найдешь — голову потеряешь.

Что поделаешь против воли всемогущего повелителя? Пришлось ехать Бамбе искать золотую курицу.

Все ханства на земле страдали от того, что никто

¹ Элюты — так в древности называли калмыков.

не мог найти золотую курицу. Мудрецы говорили: «Той стране, которая обладает золотой курицей, не страшен ни один враг — все мусы и шулмусы¹ обходят державу, где поселилась она. Найти ее может лишь тот, у кого сердце чисто, как капля утренней росы, и нет на нем ни одного пятнышка неправды». Мудрецы предсказали, что если Бамба найдет золотую курицу, то она принесет счастье не только ему, но и всему народу.

Много отважных богатырей отправлялось на поиски золотой курицы, но ни один из них не достиг цели. Теперь за ней поехал Бамба.

Семью семь — сорок девять дней проехал юноша и встретил в степи странного человека: сам из снега, а лошадь — из бумаги. Голосом степного ветра спросил тот человек:

— Куда свой путь направил, богатырь?

— Я не богатырь, а пастух, работник, — отвечал ему Бамба. — Хан приказал мне найти золотую курицу. Найду — свою младшую дочь отдаст за меня, не найду — голову отрубят. Не нужна мне ханская дочь, дорога мне своя голова!

— Продолжай свой путь в сторону заката. Золотая курица свила себе гнездо на вершине высокого дерева. Добраться до него может лишь тот из смертных, кто нашел золотое яйцо. Если ты хороший богатырь — застанешь курицу во время утреннего сна, если ты богатырь средний — застанешь курицу во время дневного сна, если ты богатырь плохой — застанешь курицу во время вечернего сна, — так сказал человек из снега, на лошади из бумаги и удалился прочь.

¹ Мусы и шулмусы — дьяволы, злая сила.

Еще проехал Бамба по пустынной ковыльной степи и вдали увидел огромное одинокое дерево. Приблизившись на день пути, он определил, что вершина дерева на три пальца ниже небесного купола, а окружность дерева потребует месяца быстрой езды. Кора дерева была гладкой, как рукоять плетки, и блестела, словно вода степного озера в тихую погоду. На самом верху виднелось серебряное гнездо золотой курицы, напоминающее белую кибитку, поставленную вниз крышей.

Целый месяц ехал Бамба вокруг дерева по ходу солнца. Наконец, ранним утром, увидел он свисающую с дерева лестницу. Только успел Бамба коснуться ногой ступени — лестница сама подняла его вверх. Чем выше поднимался он, тем ярче становился свет. И даже после того, как прикрыл шапкой глаза от ослепительных лучей, струившихся из гнезда, сквозь бараний мех шапки он увидел спящую золотую курицу. Бамба быстро вытащил из кармана большой платок, накрыл им курицу, тонкой цепочкой опутал ее ноги и спустился на землю.

Бамба направил свой путь домой. Едет он, едет и к вечеру доехал до небольшого зеленого холма и решил переночевать — дать отдых себе и коню.

Спал Бамба долго, а когда проснулся, то не поверил тому, что увидели его глаза: перед ним стоял белый мраморный дворец с волнообразными голубыми отливами. Золотистый купол дворца горел, как ночной костёр. У дверей стояла стража в серебряных доспехах. В лучах утреннего солнца грозно поблескивали острия стальных копий. «Нужно бежать, пока еще никто меня не заметил», — решил Бамба. Поднимаясь, он услышал взволнованные голоса: «Они проснулись, они встают!» Еще не успел Бамба сообра-

зять, о ком говорят, к нему подскакали на могучих конях три витязя, легко, как пушинки, соскочили с коней, упали перед ним ниц и воскликнули:

— О повелитель! Мы ждем ваших приказаний!

— Делайте со мной что хотите, — смущенно про-
бормотал Бамба.

Два витязя взяли его под руки и повели ко дворцу. Стража склонила оружие. Третий витязь стал открывать двери. Сорок восемь дверей он открыл, пока проходили по роскошным комнатам дворца. Наконец открылась дверь сорок девятой комнаты. Там Бамба увидел две кровати из сандалового дерева, убранные драгоценными коврами. В середине комнаты стоял большой железный сундук, на нем стоял бронзовый сундук поменьше, на бронзовом сундуке стоял серебряный ларец, а на серебряном ларце сидела золотая курица. Увидев Бамбу, она соскочила на пол и, склонив маленькую светящуюся головку, тоненьким голоском пропела:

— О мой повелитель! Я жду ваших приказаний!

— Нам бы нужно как можно скорее добраться домой, — робко сказал Бамба.

— Простите меня, о мой повелитель, но ведь вы и так у себя дома, — почтительно сказала золотая курица.

— Но мой хан приказал мне принести вас к нему! — осмелев, произнес Бамба.

— Вы говорите о хане Шарка и его ханстве? Пусть они будут здесь! — воскликнула золотая курица, взмахнув крылышками.

Как только золотая курица произнесла эти слова, на улице раздался шум многоголосой толпы, настужь открылись все двери дворца, и вошли люди хана Шарка. Впереди шла младшая дочь хана, мудрая

Булгун. Казалось, солнце, снятое с голубой выси небес, внесли в зал дворца — таково было сияние несравненной красоты ханской дочери. Люди закрывали ладонями глаза, боясь ослепнуть от этого сияния.

— Славнейший сын нашего народа, — обратилась Булгун к Бамбе, поднимая кверху соединенные ладони, — народ ждет тебя! В твое отсутствие на нашу державу напали жестокие мангасы, убили моего отца, хана Шарка, угнали табуны лошадей, стада коров, уводят красивейших девушек, разоряют твою отчизну, — грустно проговорила она, и в уголках ее черных глаз задрожали светлые слезы.

Бамба растерянно смотрел на прекраснейшую Булгун и не знал, что делать. Но сердце его наполнилось решимостью сделать все для спасения своей родины.

— Войска ждут ваших приказаний! — доложил ему военачальник.

— Коня! — воскликнул Бамба.

Десятитысячное войско бесстрашных богатырей под желто-пестрым знаменем державы двинулось вслед за Бамбой. словно трехлетние барсы, будто расвирепевшие тигры, как могучие львы, защищающие своих детенышей, бросились они на жестоких мангасов. Но как ни светла лунная ночь, не сравниться ей с сиянием дня.

Как ни велика была храбрость всех славных воинов, но нельзя было сравнить ее с доблестью юного героя Бамбы.

Через семь дней страна элютов была очищена от врагов. От моря до моря, до всех четырех стыков земли и неба, полетела весть о славных подвигах Бамбы.

Самая красивая и мудрая на земле, солнцеподоб-

ная Булгун решила созвать всенародный хурал¹ для избрания хана элютов.

— В пятнадцатый день месяца овцы², — кричали по всей стране глашатаи, — всем собраться ко дворцу! Так повелевает прекрасная Булгун!

На утро пятнадцатого дня месяца овцы площадь перед дворцом была заполнена народом. Сюда прибыли знатнейшие белой кости³: ближайшие советники ханши — тайши⁴, нойоны⁵. Люди черной кости⁶: простые воины, табунщики, скотоводы. Это был великий хурал.

Первый советник Булгун, престарелый мудрец Менке, сказал, обращаясь к народу:

— Слушай меня, прославленная знать: полководцы, тайши, нойоны! Слушай меня, простой люд: воины, табунщики, скотоводы! Моими устами обращается к вам наша мудрейшая повелительница Булгун. Велико, богато наше ханство, да нету у нас хана. Чье имя мы назовем властителем наших жизней?

Белая кость называла имена богатейших и знатнейших, черная кость называла имена мудрейших и справедливейших.

Выкрикивание имен превратилось в сплошной гул, а от топота ног взволнованного народа к небу поднимался столб густой пыли.

— Слушай меня, народ мой! — воскликнула звонким голосом Булгун, и сразу стало тихо. — Чтобы не

¹ Хурал — сходка, съезд.

² Месяц овцы — май.

³ Белая кость — здесь: правящая знать.

⁴ Тайша — советник.

⁵ Нойон — князь.

⁶ Черная кость — здесь: простолюдины, трудящиеся.

было обидно ни белой, ни черной кости, я назову имя славнейшего Бамбы. Родом он из простых людей, деяниями выше знатнейшего. Пусть знатные поднимут свои желто-пестрые знамена, воины — мечи, простые люди — кнутовища, если сердца их просят в ханы Бамбу.

Все стяги, все мечи, все кнутовища взметнулись к небу.

Народ избрал ханом Бамбу.

В тот же день Булгун позвала во дворец нового хана.

— Слушаю ваши повеления, — несмело сказал Бамба, явившись к ней.

— Нет, — отвечала с улыбкой девушка, — ханы повелевают сами. Одни умно, другие не совсем, — добавила она.

— Я еще не привык быть ханом, — признался в ответ Бамба.

Прекрасная Булгун посоветовала Бамбе избрать себе мудрых и верных советников.

А Бамба думал: мудрее, чем сама Булгун, советника ему не найти, и еще он думал о том, что она самая красивая девушка на земле.

Прошло некоторое время, и проницательнейший из его советников, столетний Менке, сказал однажды Бамбе:

— Хану державы не надлежит жить одному.

— Ах, — отвечал ему хан, — во всей вселенной есть лишь одна девушка, которую я хотел бы видеть всегда рядом с собой, да едва ли она пожелает быть супругою бывшего пастуха.

— А надо узнать, вдруг пожелает, — лукаво усмехнулся старик.

На другой день после этой беседы по всей стране

элютов был объявлен праздник: хан Бамба женился на прекрасной Булгун.

Семью семь — сорок девять дней продолжался пир.

И Бамба и Булгун были счастливы, ибо они любили друг друга с первой встречи и были достойны друг друга.

После того как гости разъехались со свадебного пира, Бамба и Булгун вошли в комнату, где жила золотая курица. Она соскочила со своего серебряного ларчика, радостно захлопала маленькими огненными крыльями.

— Ах, как я довольна! Ах, как я довольна! — пропела она тоненьким голоском, поздравляя молодых.

— Счастье наше, — сказали в ответ Бамба и Булгун, — мы благодарны тебе за все, что ты для нас сделала.

— У вас будет два славных сына, два славных сына! — снова захлопав крылышками, пропела золотая курица...

Каждое утро Бамба и Булгун садились на коней и объезжали свои владения. Они бывали в кибитках и знатных и простых людей. Выслушивали всех, помогали бедным и сирым, чинили справедливый суд.

Бамба никогда не забывал свои сиротские годы, и потому у него не было обиженных. Он всегда помнил о нуждах народа, и народ любил его.

Булгун посоветовала Бамбе пригласить из Китая мастеров дерева и камня, ученых землестроителей, приблизить к себе вдохновенных певцов, чьи песни, знала она, переживают много столетий.

Неузнаваемой стала страна элютов. Там, где желтели голые солончаковые степи, зазеленели сочные луга. Реки изменили свое течение, и всюду

Бамба и Булгун вошли в комнату, где жила золотая курица.

журчали голубые каналы, созданные людьми. На солнечных полянках, словно дети, резвились телята, доверчивые ягнята. Разному скоту — овцам, коровам, лошадям, верблюдам — не стало числа.

Высокие ветвистые деревья, рассаженные всюду, словно рассказывая сказки, шелестели густыми зелеными листьями. И в знойное лето, прячась от жгучих лучей полуденного солнца под тенью могучего дуба, пастухи благодарно шептали:

— Да ниспошлет великий Будда долгие счастливые годы нашему славному хану Бамбе!

Держава вела торговлю со всеми соседними странами. Базары были полны иноземных товаров. И тонкий шуршащий шелк, и звонкую серебряную посуду, и пестрые мягкие ковры, и булатные мечи, отделанные золотом и серебром, — все можно было обменять на жирных коров, на быстрых коней, на овец величиною с годовалого теленка.

Элюты были счастливы.

Но нет ничего вечного под солнцем.

Большое горе постигло хана Бамбу и его народ. Прекрасная Булгун родила двух сыновей, а сама находилась на смертном одре. Горькими слезами заливался Бамба. Он упал на колени перед золотой курицей и молил ее помочь Булгун. Плакала золотая курица, но твердила одно:

— Я не властна над смертью!

Умиравшая Булгун позвала к себе любимого Бамбу и всех его советников и слуг.

— Поклянитесь мне, — сказала она слабым голосом, — что все вы будете верны моим сыновьям и вырастите из них достойных мужей.

— Клянемся! — отвечали все и подходили к жел-

то-пестрому боевому знамени элютов, преклонив колена, целовали обветренный шелк.

— Теперь я спокойна, — сказала мудрая Булгун и замолкла.

На девяносто девять дней в стране был объявлен траур. Так горевали элюты, словно каждая семья потеряла кормильца.

Семь дней беспрерывно шел дождь, и люди говорили:

— Это небо оплакивает нашу Булгун.

Даже деревья грустно опустили свои ветви.

Семь дней не ел, не пил и не спал Бамба. Уста молодого хана шептали лишь одно незабвенное имя: «Булгун, Булгун!..»

Могучие крики новорожденных, колыбели которых подтащили к дверям комнаты, где сидел Бамба, заставили его поднять голову.

— А-у-а! — раздавалось из-за дверей.

Радостная улыбка озарила лицо Бамбы, когда он услышал голоса детей, и он вышел из комнаты.

Слуги и советники пали ниц. Мудрый Менке сказал:

— Велико наше горе, но вот, хан, смотрите на нашу радость, — он указал на двух мальчиков: — разве мала наша радость? А они еще не имеют имени.

— Пусть старший будет Белеком¹ — как память о прекрасной Булгун, пусть младший зовется Чиделом² — он будет опорой нашей державы, — задумчиво изрек хан Бамба.

Время шло. Два мальчика росли не по дням, а по часам. Через три года они могли, схватив за гриву, на скаку остановить самого ретивого коня.

¹ Б е л е к — поларок.

² Ч и д е л — сила.

Воспитателями своих детей хан назначил умудренных опытом ученых и советников. А военному искусству он учил их сам. Мудростям девяноста девяти наук о сущности бытия мальчиков учил столетний старец, ближайший советник Бамбы — Менке.

— Все живое, что не идет против жизни, должно жить, — говорил он.

И братья внимательно слушали мудрого старца.

Белек и Чидел играли со всеми детьми: и знатных и простых родителей. У них было доброе сердце.

Однажды мальчишки поймали желторотого вороненка, который, не умея еще летать, перепрыгивал с ветки на ветку и упал на землю. Сын палача страны элютов Цустин Галзана сказал товарищам:

— Давайте обрежем ему крылья и посмотрим, как он будет убегать от собак.

— Нет, — сказал на это Чидел, — все живое, что не мешает жизни, должно жить!

Чидел ловко вскарабкался на дерево и положил обратно в гнездо испуганного вороненка. Ворон, сидевший на самой макушке дерева, благодарно прокаркал:

— Крра, крра!

Белек рассказал об этом случае мудрому старцу Менке, на что тот заметил:

— Никогда не нужно пытаться делать то, чему еще не научился. Глупый вороненок вздумал летать прежде времени и чуть не заплатился жизнью.

Белек и Чидел утешали сердце хана Бамбы, раненное смертью Булгун, но каждый день он вспоминал жену и предавался тоске.

Но все в мире проходит — проходит и горе.

Соколами полетели по стране глашатаи, извещая, что хан Бамба делает смотр невест во дворце.

— Красавицы, торопитесь во дворец! — кричали веселые глашатаи.

На рассвете следующего дня над страной элютов пролетало племя пятисот шулмусов. Оно торопилось на отдых, ибо восток занимался уже зарей, близился день. Старший, летевший впереди, вдруг застыл на месте и радостно воскликнул:

— Глядите, глядите, что за страна? Видите, как здесь благоденствуют люди?

— Как же мы не знали до сих пор, что существует такая страна! — с сожалением воскликнул второй шулмус.

— Дозвольте завоевать? — вскрикнул третий, вырываясь вперед.

— Дозвольте! Дозвольте! — перебивая друг друга, закричали все.

— Тише! — грозно приказал старший, нюхая воздух железным клювом. — Тут я чую дух нашего смертного врага — золотой курицы! — проговорил он.

— Что же будем делать? — испуганно прошептал, пробираясь в середину стаи, тот, который первым вызывался завоевать страну элютов.

Взмахнув серыми перепончатыми крыльями, похожими на крылья летучей мыши, старший плавно опустился на землю. Вслед за ним опустились остальные. В предутренней тиши слышался лязг железных когтей. Все шулмусы с нетерпением ждали, что скажет старший.

— Эту страну, в которой обитает золотая курица, никто из нас завоевать не сможет. Пусть все войдут в меня, и я, обретя силу пятисот, завоюю ее, — сказал старший.

Четыреста девяносто девять шулмусов согласились со старшим, ибо он считался у них мудрым. По-

слышался треск и шум, посыпались голубые искры — то племя шулмусов входило в одно железное тело.

Вобрав силу всех, старший шулмус превратил себя в невидимую стрелу и полетел в страну элютов. Вот он увидел стадо коров, а около стада — хромую девушку, которая собирала кизяки. Ее лицо было безобразно.

Шулмус направился прямо к ней. Он вонзился в ее грудь, и... страшная пастушка превратилась в невиданную красавицу и на мгновение лишилась чувств. Когда она очнулась, солнце поднималось над миром. Легкий ветерок расчесывал травы, а в небе пели звонкоголосые жаворонки. Девушка поднялась и недоуменно посмотрела вокруг. Она подумала, что все это ей снится. Она прикрыла белой ладонью правый глаз и все равно видела мир таким же прекрасным! Попробовала побежать — ноги несли ее легко и быстро, словно резвые ноги трехмесячного козленка. Щипнула себя — стало больно.

— О великий Будда, благодарю тебя за милость! — воскликнула она, падая на колени, но тут же поднялась, боясь испачкать новый бешмет из тонкого китайского шелка.

Девушка побежала к колодцу и, смеясь и плача от счастья, посмотрела на свое отражение в воде.

Вот до ее слуха донесся топот коней. Обернувшись, она увидела трех всадников, вихрем летевших к ней. Прекрасные кони неслись словно птицы.

— Отныне ты будешь делать только то, что я пожелаю! — вдруг властно приказал ей кто-то изнутри и будто дернул за сердце.

Она снова лишилась чувств. Всеми ее поступками теперь управлял шулмус, повелевавший ею.

— Откуда эта красавица? Чья она? — спрашивали друг у друга всадники, остановившись около нее.

— Красавица, мы не знаем, чья вы, но приглашаем вас во дворец нашего славного хана Бамбы на смотр невест, — сказал один из юных всадников.

— Благодарю вас за честь, брат мой, — учтиво ответила девушка.

— А как она воспитанна! — восхищался другой всадник. — Как же вас зовут? — спросил он.

— Баир¹, — сказала девушка, смущенно улыбаясь.

— Только это имя подходит для вас, — сказал ей третий всадник.

Когда Баир явилась во дворец, там были собраны самые красивые девушки со всей державы. Хан и его приближенные трижды обошли ряды девушек и трижды останавливались возле Баир. Она так глядела на хана, что хан понял все ее мысли. Она говорила взглядом: «Возьми меня, всемогущий Бамба, я сделаю тебя счастливым».

— Начинаем состязания. Пусть девушки споют по одной песне! — объявил первый советник Бамбы, престарелый Менке.

Целую неделю хан слушал чудесное пение девушек-красавиц. Все они пели, лаская слух подобно жаворонкам. Но в сердце хана целую неделю звучал голос Баир. Было признано, что лучше Баир никто не поет.

Целую неделю хан смотрел на пляску юных девушек. Все восхищались дивными танцами. Птицей взлетали девушки, летними бабочками кружились они перед ханом и его приближенными. Гремели бубны, звенели колокольчики, рвались струны домбр.

¹ Б а и р — радость.

Красиво танцевали девушки. Но перед глазами хана все время стояла Баир. Было признано, что лучше Баир никто не пляшет.

После пения и плясок решили испытать мудрость девушек.

— Что на свете всего острее? — спросил престарелый Менке.

— Голодающего зубы.

— Умиряющего взгляд.

— Солнца луч меж облаками, — ответила Баир.

Было признано, что Баир ответила мудрее остальных девушек.

По всей державе элютов был объявлен великий праздник по поводу женитьбы хана Бамбы. Боролсь борцы, состязались бегуны. Всюду устраивались скачки.

Семью семь — сорок девять дней продолжался пир. Арака и арза¹ текли рекой.

И шулмуска Баир стала ханшей благоденствующей державы.

Целый год после свадьбы Бамба не выходил из дворца. Новая жена Баир с восхода солнца до заката пела ему песни, а после заката плясала и рассказывала сказки. Потом она садилась рядом с ним и говорила нежным голосом:

— Посмотри в мои глаза!

С радостной улыбкой Бамба глядел в черные глаза жены и, медленно откидываясь назад, засыпал крепким сном.

Усыпив мужа, шулмуска Баир вылетала через окно дворца, рыскала по всей стране элютов. Она находила запоздалых путников, которые ночевали в степи, и убивала их.

Хан Бамба с утра до вечера любовался Баир, с нетерпением ждал поры, когда она взглянет ему в глаза, усыпит его и во сне к нему придет блаженство.

Никакими делами он уже не интересовался, стал ленивым и злым, ни с кем не советовался, и только одной Баир он подчинялся во всем.

За год, прошедший после свадьбы, сильно изменился облик державы элютов. Знатные и богатые, пользуясь тем, что хан не выходит из дворца, стали притеснять бедных. Начали засыхать сады и пастбища. Люди с вечера запирались в своих домах, прячась от внезапной смерти, которая стала частой гостьей в степях.

Однажды утром к Бамбе пришел его пронциательнейший советник, столетний Менке.

¹ Арака́ и арза́ — водка, приготовленная из молока.

— Люди, избравшие тебя ханом, хотят видеть тебя, — сказал он.

— Когда пожелает сам хан, он увидит их, — сверкнув глазами, ответила за Бамбу Баир и дала знак, чтобы советник вышел.

С улыбкой смотрел Бамба на гневную Баир, и она ему показалась еще красивее, чем прежде.

Как-то утром хан заметил, что Баир грустна, и спросил ее:

— Отчего ты печальна, радость моя?

— Не знаю, — отвечала ему супруга, — и причины-то для печали нет. Просто вспомнила, как у хана Гюргю похитили жену. Я подумала: а вдруг меня выкрадут и я умру в разлуке с тобой?

— Как! — вскочил с места Бамба. — Чтобы тебя выкрали?

Хан приказал возвести вокруг дворца высокие каменные стены, вокруг стен велел поставить стражу и никого не впускать во дворец. Он приказал поднять такие же стены вдоль границ всей державы, чтобы и зверь не перебежал и птица не пролетела.

Целую неделю Баир была весела, пела, плясала.

— Теперь я вижу, что ты мудр, а мудрых не любить нельзя! — говорила она, ласкаясь к мужу.

Хан был рад веселью Баир.

Но никто из его подданных теперь уже не мог видеть его. За стенами дворца держава приходила в полный упадок. Опустели базары, иноземные купцы перестали привозить товары. Люди покидали свои селения и кочевали из края в край в поисках лучшей доли. Но жизнь всюду была одинаково безрадостна.

Через некоторое время Баир снова загрустила.

— Отчего ты стала печальной, радость моя? — встревоженно спросил ее хан.

— Я удивляюсь неблагодарности твоих подданных. Особенно тех, кого ты пригрел около себя. Они начинают завидовать тебе. Вот твой Менке...

— Менке! — закричал в гневе Бамба. — В подземелье его!

И бросили старца Менке в подземелье. Спустилась к нему ночью торжествующая Баир и прошипела со злорадством:

— Ну, не хочешь ли хана повидать? Не хочешь ли ты его показать народу?

Увидев перед собою шулмуску, Менке испуганно вскрикнул, метнулся к дверям, но Баир вонзила в него свой стальной клюв.

На утро следующего дня Баир была особенно весела и нежна с ханом.

Однако радость ее была омрачена в эту же ночь.

Возвращаясь после охоты, Баир заметила на улице молодого человека. Шулмуска ринулась к нему, но тот быстро вошел в дом, захлопнув перед нею двери.

— За мною гналась шулмуска, — услышала она за дверью.

— В ханстве, где золотая курица, шулмусов не бывает, — ответил ему другой голос.

— Надо посоветовать хану, пусть он поговорит с золотой курицей, — не унимался первый голос.

— А как ты ему посоветуешь? Ведь к нему нельзя пройти, — грустно сказал второй голос.

Баир решила убить золотую курицу. Утром она притворилась больной и не поднялась с постели.

— Что с тобой, радость моя? — взволнованно спросил ее хан.

— Тяжело мне, болею! — со стоном отвечала ему жена.

Бамба вызвал во дворец всех знаменитых лекарей державы. Все по-разному определяли болезнь ханши. Одни говорили, что печень у нее разбухла, другие уверяли, что кто-то отравил ее. Никакое лекарство не помогало. Хан Бамба приказал своим лекарям и ученым в три дня вылечить Баир и пригрозил им жестокой казнью.

Прошло три дня. Баир по-прежнему ничего не ела. Ее тяжелые вздохи и стоны неумолчным звоном висели над ухом повелителя, раздирая его душу. Все ученые были наказаны и брошены в подземелье.

— Скажи, радость моя, может быть, ты сама знаешь, чем можно вылечить тебя? — плача, шептал измученный Бамба.

Она молчала.

— Скажи, или же я умру, — умолял он супругу.

— Не умирай, — тихо ответила Баир. — Есть одно средство, но оно чересчур дорого тебе.

— Дороже тебя нет ничего на свете! — воскликнул обрадованный Бамба.

— Мне может помочь бульон из золотой курицы, — будто страдая, прошептала шулмуска.

Бамба вызвал к себе главного повара и велел ему сварить золотую курицу. Повар не посмел перечить хану, унес курицу на кухню и опустил в котел с кипящей водой.

В это время на улице Белек и Чидел услышали зов:

— Быстрее ко мне на кухню!

Когда они прибежали на кухню, повар сказал им:

— Вот хан повелел сварить золотую курицу на бульон для ханши.

— Скорее съешьте меня, — услышали братья печальный голос золотой курицы, донесшийся из кот-

ла. — Пусть Белек проглотит голову, а Чидел — лапки. Сердце мое спрячьте так, чтобы никто не видел.

Белек и Чидел сделали все, как просила золотая курица. Сердце ее они спрятали в серебряную шка тулку и зарыли под деревом.

Повар принес в покои ханши светящийся бульон. Сам хан, улыбаясь, преподнес ей целебную чашу.

— А где же та паршивая курица! — гневно воскликнула шулмуска, вскакивая с постели.

— Где? — громовым голосом повторил хан Бамба.

Повар чуть не умер со страха, но, собравшись с духом, сказал:

— Когда бульон был уже готов, я вышел за солью. В это время с улицы вбежали голодные Белек и Чидел и съели курицу. Они не знали, что курица была целебной.

Ханша улыбнулась в ответ и сказала:

— Впрочем, нам важен бульон.

Баир сделала вид, что выздоровела, и, на радость Бамбе, снова пела, плясала, рассказывала сказки. Но спустя несколько дней она опять притворилась больной.

Всех лекарей своих казнил хан, однако помочь ей ничем не смог. Посылал послов в другие державы, да никто не пожелал приехать.

— Я умираю, — сказала ему на десятый день болезни Баир, — прощай.

— Нет, нет, — закричал хан Бамба, — ты живи, живи! Все ханство отдам, себя отдам, лишь бы ты жила!

— Есть одно средство, которое поможет, — тихо простонала в ответ ханша.

— Какое? — с нетерпением воскликнул хан.

— Оно дороже, чем золотая курица.

— Какое? — повторил хан.

— Я бы не хотела выздороветь такую ценою, но только ради тебя! Если ты умрешь, погибнет твоя цветущая держава. Если я умру, умрешь и ты с тоски. Ради тебя и державы! Слушай, — зашептала Бамбе шулмуска, — мне поможет только бульон из сердец Белека и Чидела.

— Ради державы, — промолвил Бамба и, вызвав палача Цустин Галзана, велел ему убить Белека и Чидела, а их сердца доставить во дворец.

— Сделаю, — отвечал ему Цустин Галзан.

— Слушай, дурень, — тихо, но внятно сказала ханша Цустин Галзану, — собери народ и объяви, что Белек и Чидел замыслили убить своего отца и занять его место, что они во всем сознались и сами просили хана казнить их. Скажи, у нашего хана мягкое сердце и он не смог отказать в просьбе своих сыновей.

— Понял вашу мудрость, — ответил Цустин Галзан.

В тот же день весь народ, по повелению хана Бамбы, был собран на площади. Каждый хотел протиснуться вперед. Все говорили меж собой: «Наконец-то, наконец-то хан пожелал поговорить с народом!» Но вот вышел Цустин Галзан и объявил о вине Белека и Чидела и воле хана. Никто не поверил словам палача, но все молчали.

Прежде чем приступить к исполнению воли хана, главный палач Цустин Галзан трижды в смятении опустился на колени, трижды сотворил молитву: он просил о ниспослании прощения за нарушение клятвы, которую он давал мудрой Булгун, — быть верным ее сыновьям. Рядом с ним лежала огромная секира.

В это время на ясном светло-синем небе, справа от сверкающего купола дворца, вдруг появилась маленькая черная тучка, и люди удивились этому странному, небывалому явлению.

Палач Цустин Галзан, именем которого матери пугали своих детей, всегда с каким-то торжеством и злым удовольствием выполнял свое дело. Он легко рубил головы тех, кто был беззащитен. Но, как обыкновенно бывает с такими людьми, в душе Цустин Галзан был жалкий и подлый трус.

Вот и сейчас, получив жестокое повеление хана, он не нашел силы отказаться от его выполнения, ибо дорожил своей презренной жизнью, но в то же время страшился умертвить Белека и Чидела — Цустин Галзан целовал священное знамя, присягая в верности Белеку и Чиделу перед смертью их матери.

— Арзы! — закричал палач, засучивая по локоть рукава красного бешмета.

Семьдесят один человек, еле поднимая, поднесли ему огромную желтую чашу, до краев наполненную влагой, горячащей кровью.

Цустин Галзан единым духом опорожнил чашу. Толстые прожилки его воловьих глаз налились кровью.

Он поднял с земли секиру и стал разглядывать ее лезвие.

Маленькая черная тучка, показавшаяся справа от сверкающего купола дворца, разрослась и обложила полнеба.

— Ведите мальчиков! — крикнул Цустин Галзан. Слуги хана Бамбы привели мальчиков.

— Пусть первым убивают меня! — сказал Чидел, бесстрашно вырываясь вперед.

— Я старше тебя, пусть убивают меня! — храбро воскликнул Белек, закрывая собою Чидела.

Обоим братьям не хотелось умирать, но, коли не было спасения, они решили смерть принять, как подобает настоящим мужчинам — гордо, не унижая себя.

— Пусть подойдет старший, — прохрипел Цустин Галзан, глядя на братьев.

Белек поцеловал Чидела, поклонился во все стороны народу и подошел к палачу.

— Не смей! — закричали люди Цустин Галзану, когда тот стал подходить к Белеку.

А в это время черная туча обложила все небо. Стало тихо и темно, как бывает перед восходом луны.

И, только Цустин Галзан обхватил дубовую рукоять секиры и поднял ее вверх, в небе сверкнула молния, грянул оглушительный гром, разверзлись тучи, и в узком просвете, освещенном лучами далекого солнца, люди увидели огненный шар.

Все пали ниц.

А когда люди подняли голову, небо было по-прежнему чисто, сияло солнце. На том же месте стоял бледный Цустин Галзан, но рук у него уже не было. Они лежали у его ног, сжимая ладонями тяжелую секиру.

Чудо, которое произошло на глазах у всех, поразило Цустин Галзана. Увидев перед собой свои руки, он наклонился, чтобы взять их, и только тут понял, что взять-то нечем.

Белек и Чидел, как и весь народ на площади, смотрели на небо, откуда появился огненный шар.

Из толпы вышел древний старик, борода которого голочилась по земле, подошел к братьям и сказал:

— Идите прямо по дороге, в сторону заката. Много ли, мало ли пройдете — дорога будет расходиться на две стороны. Пусть старший пойдет вправо, младший — влево.

Сказав это, старик положил на землю большой мешок, вытащил из мешка кусок сушеного сыра — хурсум, полоски сушеного мяса — борцог, одну бортоху¹ кислого молока и отдал все это братьям на дорогу.

Попрощавшись с народом, Белек и Чидел ушли в указанную сторону.

— А вы, — сказал старик, обращаясь к слугам хана, — зарежьте двух щенят, вытащите их сердца и отнесите во дворец.

Так и сделали. Увидев два трепещущих сердца, Баир весело вскочила с постели; и будто сразу прошла ее болезнь. Теперь, решила она, все ханство ее: золотой курицы нет.

Целую неделю она пела и плясала. Хан Бамба забыл и о золотой курице, и о своих родных сыновьях, и о своем народе, который избрал его повелителем страны.

Но однажды, засыпая, он увидел такой блеск в глазах жены, что у него волосы стали дыбом.

Баир заскрежетала зубами, изо рта ее посыпались искры.

— Что с тобой? — спросил у нее, поднимаясь, Бамба. Со страха у него зуб на зуб не попадал.

— Ничего, — с улыбкой отвечала Баир.

Шулмуска Баир в этот вечер услышала дух золотой курицы. Она тут же вызвала Цустин Галзана. Дрожа от страха, главный палач явился к ней.

¹ Бортоха — посуда из кожи для жидкостей.

— А ну, признавайся: выполнил ли ты повеление хана? — спросила она и увидела обрубки вместо рук.

Цустин Галзан рассказал ей обо всем, что произошло на площади.

Не теряя времени, шулмуска пустилась в погоню за беглецами, да не тут-то было: их и след простыл...

А с братьями случилось вот что.

После того как древний старик проводил их в путь, Белек и Чидел шли, шли, устали и на закате солнца сели отдохнуть. Вдруг перед ними появился человек из снега, на лошади из бумаги и сказал голосом ветра:

— Не время, дети мои, отдыхать. Садитесь, подвезу.

Белек сел спереди, Чидел — сзади. Быстрее ветра полетела лошадь. Летели они над долинами и горами, над реками и морями. Неизвестно, сколько дней они летели, человек из снега остановил лошадь и сказал им:

— Ну, теперь идите сами, — и исчез.

Пошли братья дальше. Шли, шли и видят: дорога расходится на две стороны.

— Вот и настало время нам расстаться, — печально произнес Белек.

Обнялись братья, поцеловались и пошли в разные стороны.

Белек пошел вправо. Идет он и вспоминает свою родную страну элютов. Идет и думает, что же ждет его впереди. Навстречу дует прохладный ветер, колышутся высокие травы, птицы песни поют. А степь ровная-ровная. Выскакивают суслики из-за бугорков, становятся на задние лапки и удивленно смотрят

на Белека: что, дескать, за иноземец появился в наших краях?

Вдруг мальчик увидел облачко пыли. Оно стало приближаться к нему. И вот мимо него вихрем промчался каурый конь, да так быстро, что трава под ним не успевала пригнуться. Белек как зачарованный глядел ему вслед. А за конем бежали два скорохода.

— Что вы за люди и что это за конь? — спросил у них Белек.

— Мы люди мудрого восьмисотлетнего хана Шомпо, — сказал один из скороходов. — Наш хан целый год находится на волосок от смерти, ожидая того, кто должен его сменить. Он так мудр, что, глядя на яйцо, может определить, какая курица его снесла: белая или черная. Вглядываясь в яйцо, может сказать, кто в нем: курица или петух и какое у него будет оперение.

Пока скороход говорил это, каурый конь без всадника повернул обратно и промчался мимо.

— Это мудрый конь Ухан¹, который ищет того, кто должен сменить восьмисотлетнего хана Шомпо, — добавил скороход, когда конь уже стоял возле них, бил копытами землю, высекая искры, и радостно ржал, глядя на Белека.

— Да не ты ли тот человек? — обрадованно обратился к Белеку второй скороход.

Белек подошел к коню, схватился за длинную шелковистую гриву и вскочил на него. Конь помчал его, а следом за ним, не отставая, бежали два скорохода.

Белек увидел впереди удивительной красоты город. Посреди города возвышался дворец с золотым

¹ У х а н — ум, мысль.

куполом. Конь примчал его прямо к площади перед дворцом. Здесь его ожидало множество народа. Увидев коня и всадника, все закричали:

— Да здравствует наш новый хан!

Два скорохода ввели Белека во дворец.

На троне полудремал восьмисотлетний старец

хан Шомпо. Язык у хана был пришит к губам, потому что он очень много говорил, а каждое слово лишало его сил. Два скорохода подошли к нему, подняли веки и закрепили их изящными золотыми векодержателями, затем осторожно разрезали шелковую нитку, которой был пришит язык мудреца.

— В мире должно совершиться все, что совершается, иначе не может быть, — проговорил старец Шомпо, увидев перед собою людей.

— Ваша правда, — отвечал первый скороход в

серебряную трубку, воткнутую в ухо хана, — но вот перед вами человек, которого выбрал мудрый конь Ухан.

— О, да ведь это сын дочери хана Шарка и избранного народом хана Бамба! Передо мной Белек, проглотивший головку золотой курицы. В его ханстве владычествует шулмуска Баир. Это он, он! — проговорил, торопясь, восьмисотлетний старец. Он боялся, что его перебьют и не дадут договорить.

Белек был удивлен и восхищен пронизательностью старца.

— Да, теперь я могу спокойно умереть. В мире совершается все, что должно совершиться, ибо оно совершается. Если мы посмотрим на то, что было сто лет назад и что будет через сто лет... — начал хан Шомпо.

Но ему не дали договорить, ибо он, как и все мудрецы преклонного возраста, любил много говорить. Два скорохода сняли векодержатели, пришили шелковой ниткой язык к губам, и хан погрузился в думы.

Прожив у хана Шомпо семью семь — сорок девять дней, Белек стал так же пронизателен и ясновидящ, как старец. Дождавшись того, кто должен был его сменить, Шомпо спокойно почил навеки, ибо это должно было свершиться, как не раз мудро говорил умерший.

Оставим Белека ханствовать, расскажем о судьбе Чидела.

Расставшись с братом Белеком, Чидел пошел по дороге влево. Через семью семь — сорок девять дней на берегу океана Дала, среди густых широколиственных деревьев, он увидел дворец какого-то неизвестного хана.

— Чей это дворец перед нами? — спросил Чидел

у мальчика, гнавшего навстречу ему отару длинношерстных овец.

— Дворец хана Дамдина, — ответил мальчик, с любопытством разглядывая чужестранца.

Чидел решил войти во дворец в надежде, что его там покормят, ибо вот уже несколько дней, как он ничего не ел.

У входа во дворец его встретила восемнадцатилетняя дочь хана. Она чуть не упала от изумления, увидев столь красивого юношу. Даже не сумела внятно произнести обычное «менде»¹, лишь пошевелила губами.

Слуги хана попросили Чидела пройти в комнаты и поставили перед ним обильное, жирное угощение.

Дочь хана Дамдина, ее звали Тостой, тотчас же позвала к себе служанку, умевшую видеть человека насквозь.

— Узнай, отчего этот юноша так красив, — повелела ей госпожа.

Служанка внимательно посмотрела на гостя и определила, что внутри у него лапки золотой курицы, которая излучает такую красоту.

Вернувшись, она доложила своей госпоже об увиденном.

— Нужно в честь гостя устроить пир, напоить его арзой. Когда он опьянеет, мы обкурим его едким дымом горькой полыни. Он выплюнет лапки золотой курицы, а вы проглотите и станете красавицей, — посоветовала служанка.

Так всё и сделали. А беспамятного Чидела вывезли далеко от дворца и оставили одного на безлюдном берегу океана Дала. Очнувшись, Чидел никак не мог

¹ Мендэ — здравствуйте.

понять, где он находится. Погоревал он, попечалился, да делать нечего, нужно куда-то идти.

Через несколько дней пути около невысокого кургана он увидел трех человек, которые о чем-то жарко спорили.

Спорщики очень обрадовались Чиделу. Они рассказали, что похитили у одного юноши шапку, трость, ковер и поделили эти вещи между собой.

— Вот моя шапка, — сказал один из них, указывая на шапку, лежавшую рядом с ним.

— Вот моя трость, — сказал второй, указывая на трость.

— Вот мой ковер, — сказал третий, указывая на ковер.

— Если надеть мою шапку... — сказал первый.

— Если ударить моей тростью... — сказал второй.

— ...по моему ковру... — сказал третий.

— ...то мигом мы перенесемся туда, куда пожелаем, — сказали втроем.

— Рассуди нас, — сказал первый. — Я здесь самый старший, и мне они должны отдать трость и ковер.

— Чтобы не было обидно старшему и младшему, — сказал второй, — шапку и ковер должны отдать мне, среднему по возрасту.

— Но летает-то ковер, поэтому шапку и трость должны отдать мне, — сказал третий.

Послушав их, Чидел предложил:

— Трудно решить ваш спор. Давайте сделаем так: пробегитесь вокруг этого кургана. Кто прибежит первым, тот возьмет все три вещи.

— Подумаем, — ответили спорщики.

Первый подумал: «Я старше их и потому прибегу первым».

Второй подумал: «Этот отстанет потому, что он стар, тот — потому, что молод. Первым буду я».

Третий подумал: «Я моложе всех, и у меня резвее ноги. Первым буду я».

— Согласны! — ответили все три спорщика и побежали что есть мочи вокруг кургана.

А Чидел надел шапку, взял трость, стал на ковер и, проговорив: «Отвези меня в покои дочери хана Дамдин», ударил тростью.

Не успел он подумать: «Повезет ли?», как оказался перед спящей Тостой.

Перенес он Тосту на ковер, ударил тростью и прошептал:

— Отвези меня, ковер, на тот берег океана.

Ковер опустился на противоположном необитаемом берегу океана Дала. Громадные серые волны глухо разбивались о каменные утесы. Таинственно и грозно шумели высокие ветвистые деревья.

Чидел собрал в кучу сухие, желтые листья, положил на них все еще не проснувшуюся Тосту. В дупле большого дуба он спрятал ковер, трость и шапку, затем наломал ветвей, сделал шалаш и разбудил Тосту. Открыв глаза, Тоста была изумлена тем, что видит перед собой юношу, у которого отняла лапки золотой курицы.

— Если откажешься от своего коварства и согласишься быть моей женой, отвезу тебя к родителям, нет — будешь жить тут. Собери сухие дрова, разожги огонь, чтобы не напали на нас дикие звери, — сказал Чидел.

Так они стали жить на необитаемом берегу океана. Чидел сделал себе лук, стрелы и копье. На другой же день недалеко от своего шалаша он убил кабана. Тоста сварила мясо и спросила за ужином:

— Как ты меня сюда привез?

Чидел молчал.

Через несколько дней он притащил из лесу убитого молодого оленя. После ужина Тоста еще раз спросила:

— Как ты меня сюда привез?

Чидел не ответил.

— Ты хочешь, чтобы я была твоей женой, — со слезами на глазах начала Тоста, — но не доверяешь мне! Чем так жить, лучше утоплюсь! — воскликнула она и побежала к океану.

После этого Чидел рассказал, как привез ее, куда спрятал три волшебные вещи.

Проснулся утром Чидел и увидел, что Тосты нет в шалаше, а его лук и копье сломаны. Он побежал к дубу, в котором спрятал ковер, шапку и трость, — их тоже не было. Чидел сразу понял обман Тосты. Он побежал к берегу океана, горько заплакал, глядя на то, как большие волны бьются о прибрежные камни, и упал замертво.

В это время над ним пролетали ворон и вороненок.

— Так долго мы летели, что я проголодался. Вон лежит мертвец, опустимся, — сказал вороненок.

Ворон взгляделся в землю, посмотрел на лежащего человека и сказал:

— Э-э, да если бы он был мертвецом, мы с тобой полетели бы к ущелью живой воды Хад-Чолун, набрали бы исцеляющей влаги и, окропив, оживили бы его.

— За что? — удивленно спросил вороненок.

— Когда ты еще не умел летать и свалился с дерева, — отвечал ему ворон, — он спас тебя.

— А что с ним сейчас случилось?

— Сейчас он потерял три заветные вещи и печалится, не зная, как перебраться через океан. Не догадается он сорвать с соседней яблони черное яблоко, съесть, превратиться в осла и переплыть океан. Сорвать красное яблоко, съесть и снова превратиться в человека.

Услышав этот разговор между вороном и вороненком, Чидел поднялся, подбежал к яблоне и нарвал черных и красных яблок.

Съел он черное яблоко, превратился в осла и поплыл через океан. Когда достиг берега, съел красное яблоко и обрел свой прежний вид.

На берегу океана, у колодца, Чидел увидел девушку, набиравшую воду. Перебрасывая с руки на руку сочное, красное яблоко, он подошел к ней.

— Красавец, угости яблочком, — попросила девушка.

— Это не простое яблоко. Это яблоко красоты, — сказал в ответ Чидел. — Кто откусит яблоко, тот сразу станет красивым. Пойди во дворец и приведи сорок знатных девушек. Я вас всех сделаю красавицами, — пообещал он.

Девушка забыла о воде и побежала что было сил во дворец. Там она рассказала всем подружкам о том, что слышала у колодца. Сто сорок девушек пожелало быть красавицами. Но дочь хана Дамдина, Госта, сказала:

— Красивыми должны быть только дочери знатных, — и отобрала тридцать девять своих подружек. Сама она была сороковая.

Девушки вышли к колодцу.

Чидел сказал им:

— Если кто желает стать красавицей, пусть за-

кроет глаза и откусит яблоко, которое я буду подносить ко рту.

Весело смеясь, все девушки закрыли глаза.

Чидел дал всем откусить черного яблока, и все девушки превратились в ослиц. После этого юноша ушел в сторону владений своего брата Белека.

К вечеру всполошилось все ханство Дамдина. Знатнейшие во главе с самим ханом стали искать своих дочерей. Люди говорили, что видели, как сорок девушек проходили к колодцу. Но около колодца жалобно кричало лишь сорок ослиц.

Хан и его приближенные сели верхом на ослиц и отправились на поиски пропавших дочерей. Три дня искали. Усталые ослицы не могли уже дальше идти, но плетки заставляли их пускаться рысцой.

Все поиски были бесплодны...

Хан Дамдин решил послать посольство к соседнему хану, к знаменитому ясновидцу Белеку, с просьбой помочь в беде, отыскать сорок пропавших девушек, в том числе его дочь.

В то время, когда посольство хана Дамдина с богатыми подарками подъезжало ко дворцу Белека, в гостях у него сидел родной брат Чидел и рассказывал ему о своих горестных скитаниях.

— Помогите беде нашего хана, — просил посол, рассказав о случившемся.

Белек сказал послу:

— Во дворце вашего хана есть три чужие вещи. Пока вы их не привезете мне, девушки не отыщутся.

Посол вернулся домой и передал слова Белека хану. Хан Дамдин сразу догадался, что поискам девушек мешают ковер, трость и шапка. Он отослал Белеку эти три вещи.

— Около вашего колодца, который на берегу оке-

ана, пасется сорок ослиц. Пусть их пригонят сюда, и тогда найдутся сорок девушек, — сказал ясновидящий Белек.

Вскоре пригнали сорок ослиц. Чидел прошел между ними, нашел Тосту, привязал ее к столбу и стал обкуривать едким дымом горькой полыни. Ослица выплюнула лапки золотой курицы. Чидел взял лапки, обмыл и проглотил сам. Затем всем ослицам он дал по кусочку красного яблока, и они превратились в девушек.

После этого их увезли домой, в ханство Дамдина.

Долго разговаривали два брата о своей жизни и об отце.

— В книге будущего, — сказал Белек Чиделу, — записано, что наш отец, опьяненный величием, много лет будет находиться под властью шулмуски Баир. Но она будет побеждена.

Страшный сон приснился в эту ночь Чиделу. Он увидел во сне свою родную страну элютов и дворец отца хана Бамбы, обнесенный высокой каменной стеной. Из-за стен, как со дна моря, вытянув руки вперед, стала подниматься огромная фигура хана Бамбы. Чидел рассказал о своем сне брату Белеку.

— Твой сон говорит о том, что наша родина в беде и зовет нас с тобой. Теперь мы не мальчики, мы сильны, — сказал ясновидящий Белек.

Белек и Чидел сели на волшебный ковер. Белек взял с собой обоюдоострый меч, приносящий смерть шулмусам.

— Отвези нас к ущелью Хад-Чолун, — прошептал Чидел и ударил тростью.

Меж мшистых голубоватых скал журчала светлая зеркальная лента живой воды. Белек и Чидел набрали столько бортох живой воды, сколько можно

было поместить на ковре, и полетели в сторону родной страны элютов.

Они опустились рядом с дворцом хана Бамбы, который трудно было теперь узнать. Вместо золотого купола желтело изъеденное ржавчиной железо; краска дворца, игравшая всеми цветами радуги, сошла.

Белые нарядные дома, окружавшие дворец, превратились в груды камней, обросшие горькой полынью и густой лебедой.

Горько заплакали Белек и Чидел при виде своей разрушенной отчизны. Но и груды родных камней, и терпкий запах серой полыни, и сама земля, ожидающая их, были до боли дороги стосковавшимся сердцам братьев.

Белек и Чидел поклонились во все стороны и долго стояли молча, вглядываясь в знакомые дали.

— Нам надо найти сердце золотой курицы, — тихо сказал Белек, нарушив тишину.

— Я его сейчас принесу, — ответил Чидел и побежал к развалинам домов.

Но все развалины были похожи друг на друга: вместо зеленых деревьев, украшавших улицы города, торчали полусгнившие пни. Вдруг среди груды камней и сохшихся стеблей лебеды Чидел увидел огромный яркий тюльпан, который будто только что раскрыл бутон и раскинул, словно руки, навстречу солнцу упругие лепестки. Чидел никогда не видел подобного цветка. Подойдя ближе, он услышал тихую мелодию, исходившую от чудесного тюльпана. Она была чуть печальна и радостно светла, как мечта человека, и звала к себе.

— Здесь! Здесь! — закричал Чидел, подбегая к цветку.

Он осторожно с корнем пересадил тюльпан на

другое место, а под ним увидел знакомую серебряную шкатулку с сердцем золотой курицы, обвитую, как показалось ему, отростком корня дуба, росшего рядом. Но то был не отросток корня, а то была волшебная труба-бюшкюр из рога трехлетнего марала, которая тихо напевала песни радостей жизни.

Открыв серебряную шкатулку, Белек и Чидел увидели золотое трепещущее сердечко. Они извлекли из себя головку и лапки курицы, положили в шкатулку и брызнули живой водой. На их глазах из серебряной шкатулки выскочила золотая курица, хлопнула огненными крыльями и тоненьким голоском запела:

— Здравствуйте, славные братья!

— Здравствуй, наше счастье! — ответили ей Белек и Чидел. — Мудрая золотая курица, посоветуй, что нам делать? — тут же попросили они совета.

— У вас обоюдоострый волшебный меч, приносящий смерть шулмусам, — коротко молвила золотая курица.

Белек и Чидел поняли совет, как зов, и направились ко дворцу своего отца, хана Бамбы. Они подошли к дверям покоев ханши, которая только что проснулась и собиралась вылететь на охоту.

— Что за странный запах! Что за странный запах! — заворчала она, учуяв дух двух братьев.

— Я ничего не слышу, — прохрипел хан Бамба.

— А ты спи! — прикрикнула на него ханша.

Как только Чидел открыл двери и Белек переступил порог, шулмуска Баир, вытянув вперед стальной клюв, бросилась на них. Белек взмахнул мечом и отсек ей клюв. Сама она тут же исчезла, а клюв превратился в мышь и попытался юркнуть в дверь. Но Белек пригвоздил ее к полу острием меча и стал

вертеть мечом, будто буравом. Послышался треск, и посыпались синие искры. Мышь стала разбухать в огромное чудовище с человеческим лицом, стальным клювом, серыми перепончатыми крыльями. Оно вочалось, пронзенное острием волшебного меча, а потом перестало двигаться.

А хан Бамба с удивлением глядел на все происходящее. За время, прошедшее после второй женитьбы, он растолстел. Живот его свисал до колен. Теперь он не ходил, а семенял, ибо ноги его стали короткими, будто обрубленными. Глаза и нос тонули на жирном лице. Если бы он как-нибудь выбрался за стены своего дворца, никто бы его не узнал. Он забыл почти все человеческие слова, кроме: «Я повелеваю», «Радость моя Баир!» Но глаза его видели, и он теперь пытался понять, сон или не сон то, что происходит.

Белек и Чидел с безразличностью смотрели на отца и на безобразную девушку, которая со стоном поднялась с пола и с недоумением озиралась вокруг.

— Ох, как же долго я спала!.. Ой, а где мои коровы? — воскликнула она и попыталась бежать к дверям, но тут же споткнулась и упала, так как одна нога у нее была короче.

— Сгинь! Сгинь! Сгинь! — испуганно шептал хан Бамба, глядя на нее. — Кто ты? Как звать? Как попала во дворец? — торопливо сыпал он вопросы девушке.

— Я пастушка Баир, — ответила сиплым голосом девушка, — мне снилось, будто я жена хана Бамбы и долгие годы жила с ним во дворце. Только вот никак не могу проснуться!

— А вы кто? — обратился хан к Белеку и Чиделу.

— Твои сыновья, — грустно ответили они.

— Значит, она моя жена Баир, — указал хан в сторону уродливой девушки, — а вы мои сыновья? А что лежит перед вами? — спросил хан, остановив свой взор на чудовище, пронзенное мечом.

— Это то, что было вашей женой. Это шулмус, — сказали братья.

Голова хана Бамбы стала постепенно проясняться. А когда он понял все, крупные слезы покатались из глаз, и хан стал громко рыдать, сотрясая стены старого дворца.

Белек и Чидел изрубили чудовище на мелкие куски и решили сжечь, чтобы оно никогда не ожило.

Хан Бамба, опустив голову, стоял рядом с ними. От стыда он не смел взглянуть в лицо сыновьям.

Когда сгорела последняя, пятисотая, часть шулмуса, Белек и Чидел услышали великий вздох облегчения, весенним ветром прокатившийся над землей. То вздохнула сама земля. Затем до слуха братьев донеслись мелодичные звуки трубы-бюшкюры из рога трехлетнего марала.

— Ты слышишь? — улыбаясь, спросил Чидела Белек.

— Да, — взволнованно ответил Чидел.

Звуки трубы-бюшкюры с каждым мгновением становились все сильнее и сильнее. Светлые лавины мелодий, словно могучие переливающиеся потоки горной реки, шумя и торжествуя, бурля и захлебываясь, неслись над освобожденной от шулмусов державой элютов. Эти звуки незримой силой коснулись рук братьев Белека и Чидела и увлекли туда, где они на гребне невысокого холма оставили золотую курицу.

Подойдя к холму, Белек и Чидел были поражены тем, что они увидели. На вершине холма стояла девушка неописуемой красоты. Ее светлое платье из

тончайшего шелка, расшитое золотыми нитями, казалось сшитым из прозрачно-голубого неба. Ее губы прильнули к янтарному мундштуку волшебной трубы-бюшкюры, а тонкие белые пальцы перебирали ряды перламутровых ладов. Рядом с ней стояли два отважных витязя в серебряных и золотых доспехах,

держа под уздцы коней, которые нетерпеливо били о землю передними ногами. Увидев Белека и Чидела, девушка передала трубу-бюшкюру одному из витязей, а сама стала спускаться навстречу им.

Песня продолжала литься и неслась над страной элютов, рассказывая о счастливой поре и обещая еще большее счастье в грядущем. Она говорила о том, что жива держава элютов, жив народ — и не победить его шулмусам!

Незнакомая девушка, прекрасная, как сама весна, с ясными глазами, в которых отражалась чистота ее юной души, с радостной улыбкой повела смущенных братьев на вершину холма и сказала:

— Это мои старшие братья.

— Мы рады видеть ваших братьев, — сказали Белек и Чидел и, озираясь, стали искать золотую курицу.

— А где же золотая курица? — спросили братья, — мы ее оставили здесь.

— Я перед вами, — отвечала девушка-красавица и рассказала вот что: — Много тысяч лет тому назад, когда люди жили, ничего не деля на «твое» и «мое», на нашу землю спустились шулмусы. Они принесли с собой смерть и зло. Шулмусы пытались покорить людей, сделать их коварными, злыми. Тогда я и два моих старших брата дали себе обет бороться с шулмусами и уничтожить их. Я стала золотой курицей, излучающей яркий свет. Всякое зло боится света. Мой старший брат принял облик старика с длинной бородой, средний брат принял облик человека из снега. И вот последние пятьсот шулмусов уничтожены вами, а мы приняли свой прежний облик, — закончила девушка. — А теперь ложитесь отдохнуть, — предложила девушка братьям.

Белек и Чидел, подложив под голову руки, легли спать. Над ними мигали далекие таинственные звезды. Волшебная труба-бюшкюра продолжала трубить свою великую песнь.

На утро следующего дня братья с удивлением проснулись в роскошном дворце.

— Где мы? — спрашивали они друг друга.

Когда Белек и Чидел вышли на улицу, солнце сияло в небе, а перед дворцом, откуда они вышли, со-

бралось много тысяч элютов со всех концов державы. Люди вылезали из щелей земли и нор, из оврагов и пещер и по зову трубы-бюшкюры нескончаемой вереницей потянулись ко дворцу, неожиданно возникшему за одну ночь.

Прекрасная девушка уже ожидала братьев.

— Возьмите по одной бортохе живой воды, — сказала она Белеку и Чиделу, — и пусть один из вас плеснет воду в сторону заката, другой — в сторону восхода. Потом еще по бортохе — в сторону юга и севера.

Белек и Чидел сделали это. И со всех четырех сторон стали подходить новые тысячи оживших людей, когда-то умерщвленных злой шулмуской Баир. Среди них шел мудрый столетний старец Менке.

— Еще плесните во все стороны по бортохе живой воды, — попросила девушка.

Белек и Чидел еще раз плеснули во все стороны живой водой.

И сразу стали зелеными луга, мгновенно выросли деревья, заблеяли овцы, замычали коровы, заржали лошади, покачиваясь, потянулись на пастбища верблюды.

С изумлением и радостным восхищением смотрел на это чудо возрожденный народ.

— Согласны ли вы жить в дружбе, ничего не делить на «твое» и «мое»? — спросила девушка, обращаясь ко всем.

— Согласны! — отвечали все.

И над землей прокатилось эхо дружного возгласа.

Вдруг народ пошатнулся и стал отходить назад.

Белек и Чидел увидели хана Бамбу, который подходил к ним со стороны старого дворца.

— Не надо нам хана! — кричали люди.

— Простите меня! — плакал хан Бамба, опустившись на колени. — Простите! Я уйду в пустыню. Простите!

Но все молчали.

Хан Бамба поднялся, поклонился на все четыре стороны и засеменял короткими ногами прочь. Удаляясь, он становился все меньше и меньше, наконец стал величиною с маленького черного жука, затем превратился в ничто. Так исчез хан Бамба, когда-то возвышенный людьми за доблести, но в гордыне забывший о народе, возвысившем его.

А страна Элютия стала жить счастливее прежнего.

О ДРУЖБЕ, ПОБЕДИВШЕЙ СМЕРТЬ

Давно это было. В стране хана Алтын Оркчи жил старик Менген Оркча. Прожил он на белом свете восемь тысяч лет, а старуха его семь тысяч лет. Однако не было у них детей, которые хоть плачем своим радовали бы сердца.

Богат был Менген Оркча. Табуны его лошадей занимали пространства в месяц езды на хорошем коне, а среди них был табун отменных одномастных пегогнedyх лошадей. Круторогие, короткохвостые, желтопестрые коровы его, выходя на пастбища, заполняли все долины и выпивали близлежащий океан воды. Овцы же его, с курдюками, которые не поднять взрослому мужчине, коричнево-красной масти, не знали, куда ступить ногой. Было у него бесчисленное количество белшерстных верблюдов. Когда ведущий верблюд наедался на пастбище, последний только поднимался с места. Вот сколько у него было верблюдов!

Однажды старик решил осмотреть свое хозяйство. Прибыл он к табунам и видит: счастливый жеребец весело забавляется с жеребенком. Прибыл он к гуртам и видит: счастливый бык весело забавляется с теленком. Прибыл он к стадам и видит: счастливый верблюд весело забавляется с верблюжонком. С завистью смотрел он на все это и вернулся домой опечаленный. Говорит, вздыхая, своей старушке:

— Видел я, как счастливые отцы с детьми играли. С кем же нам с тобой, бедным, позабавиться?

И горько заплакал старик. Плачет, падая на спину, — сбивает кожу затылка. Плачет, падая лицом, — сбивает кожу лба. Думал, думал старик и решил уйти в дальние страны. Сделал он себе башмаки для долгого пути: отлил девятислойную железную подошву. Отковал девятисаженный стальной посох и пошел искать свое счастье.

Семью семь — сорок девять дней он шел и еле выбрался за границы своей страны, вступив наконец в пределы соседней державы. Еще много дней он прошел и увидел дым кибиток. Вошел он в крайнюю кибитку с северной стороны. Видит — у треножника сидит пожилая хозяйка. Поздоровался, попросил чем-либо жажду утолить. Быстро он выпил кумыс, вытащил трубку, набил табаком, подал женщине прикурить и стал не торопясь выпускать клубы дыма. В это время вбежал в кибитку семилетний мальчик. Пока говорил старик с хозяйкой о том о сем, мальчик стал кувыркаться, прыгать, играть. Но вдруг, перебив беседу, он спросил:

— Дедушка, откуда вы прибыли?

— Я из страны хана Алтын Оркчи. Заблудилась где-то моя корова, вот и ищу ее, — отвечает старик.

— Есть в стране хана Алтын Оркчи богатый старик Менген Оркча, — говорит мальчик.

— Да, слышал, есть, — отвечает старик.

— Возвратившись домой, передайте ему мои слова, — говорит мальчик, — что у него несметные богатства, а детей нет. Зачем ему все это добро? Пусть соберет всех бедных своей страны и разделит между ними свое добро. Тогда у него родится сын.

— Не болтай зря! — сердито говорит сыну мать.

— Нет, так должно случиться! — упрямо сказал мальчик. — Пусть старик сообщит добрую весть и получит за это награду, — повторил он.

Обрадованный старик тут же пустился в обратный путь. Не считая день за день, ночь за ночь, не зная отдыха и покоя, торопится он домой. Возвратившись домой, старик Менген Оркча собрал всех бедных, поровну разделил между ними свое богатство. И даже после этого на его долю досталось еще много добра.

Прошел год.

Как-то старик возвращался из степи. Видит — на его кибитке выставлен знак, гласящий: «Старик на потной лошади, как бы ты не стал помехой нашему сыну». Обрадовался Менген Оркча, свернул в сторону, вошел в крайнюю кибитку, дал обсохнуть коню и подъехал к своему дому. Встречает его сияющая, счастливая старуха, держа на руках громоподобно кричащего сына. Снова Менген Оркча созвал всех жителей страны, особо убогих и сирых, и сделал пир, который продолжался семью семь — сорок девять дней.

Народ пожелал назвать новорожденного Изреченным, так как его рождение было предсказано ясновидящим мальчиком.

Проходит время. Сын Менген Оркчи растет на славу.

Вот он однажды говорит:

— Батюшка, дайте мне денег, съезжу на базар, торговлей займусь.

— Ах, зачем тебе, сынок, торговать? Ведь и так нам добра хватает, — отвечает старик.

Тут вмешалась старушка:

— Пусть, если так хочется мальчику, съездит он. Дайте ему немного денег.

Подал старик кошелек золота, и отправился Изреченный на базар. Шел он, шел и вдруг на середине пути видит нечто необыкновенное: какой-то человек сидит у могилы, плачет, рвет на себе одежду и бранится. Возмутился Изреченный и говорит человеку:

— Что ты делаешь? На кого ругаешься?

— Ругаю покойника, потому что он заслужил, — последовал ответ: — он мне должен был три рубля и, не отдав долга, в прошлом году умер. Как он смел? — сказал человек и снова принялся за свое дело.

Изреченный отдал ему кошелек с золотом и попросил, чтобы тот перестал плакать и браниться.

Возвратился юноша домой ни с чем. Никто у него не спрашивает, куда дел кошелек. Через несколько дней Изреченный снова попросил:

— Матушка, дайте немного денег, хочу торговлей заняться.

Ни слова не говоря, старушка подала сыну кошелек с золотом. Опять Изреченный пошел на базар. Купил себе запряженных арб, нагрузил всяким добром.

— Кто со мной желает поехать торговать? — объявил он на весь базар, подыскивая помощника.

Является к нему один молодой человек, говорит:

— Я желаю с тобой поехать!

— Ну, давай садись со мной, поешь, — приглашает Изреченный.

Сел тот молодой человек рядом; не успел Изреченный и дотронуться до мяса, а тот уже все съел.

— Нет, — говорит Изреченный, — такой попутчик мне не нужен.

И прогнал его прочь.

— Кто со мной желает поехать торговать? — еще раз объявил на весь базар Изреченный.

Является к нему худощавый, среднего роста, бледнолицый человек и говорит:

— Я желаю с тобой поехать.

— Ну, давай садись, поешь со мной, — приглашает его Изреченный.

Тот отвечает:

— Спасибо, я успею поесть.

Взял его Изреченный с собой, и отправились они в путь. Когда они стали проезжать мимо дома Изреченного, мать увидела сына и говорит старику:

— Вон наш сын проезжает! Благословите его в далекий путь.

Взял старик свой короткий булатный меч, свою черную мохнатую собаку и пошел навстречу сыну.

— Поезжай отсюда в царство хана Бурула. Поторгуй там. Через семь дней пути вы увидите большой черный курган. Постарайтесь его днем миновать. Потом, после семи дней пути, встретится вам большое черное озеро. Постарайтесь днем его миновать. Через последние семь дней пути вам встретятся большие белые пески. Постарайтесь днем их миновать. Теперь счастливого пути! — сказал старик, передавая сыну свой меч и черную мохнатую собаку.

После семи дней пути, когда солнце катилось к закату, путники увидели большой черный курган.

— Минуем этот курган до заката или, не доезжая, здесь переночуем? — спрашивает слуга Изреченного.

— Минуем его. Ведь еще рано, — говорит Изреченный.

Только они доехали до кургана — лошади стали как вкопанные: из ушей и ноздрей их стала алая кровь струиться. Пришлось распрячь лошадей и стать на ночлег. Поужинав, оба путника уснули. Примерно в полночь заскулила черная собака. Поднялся слуга Изреченного лошадей посмотреть. Видит — со стороны черного кургана подходит к ним какой-то старик.

— Дети мои, дети, что же это вы кибитку видите, а в степи ночуете? Переночуйте у нас, не обижайте! — говорит старик.

— Мы никакой кибитки не видели. Где же она? — спрашивает слуга Изреченного.

— А вон огонек светится, — показал старик в сторону большого черного кургана.

— Спасибо. Вы идите, а я разбужу своего хозяина, и мы вместе придем, — говорит слуга Изреченного.

Отправив старика, слуга Изреченного незаметно взял меч хозяина и подошел к указанной кибитке. Посмотрел в щель и увидел семь бритых стариков, которые точили огромные кинжалы, приговаривая: — Вот уж не ждали добычи, вот попируем!

— Что же так долго не идут? Пойди посмотри, — посылают они одного старика.

Только тот вышел из двери — слуга Изреченного ударил его коротким булатным мечом своего хозяина. Так, по одному, он свалил всех остальных стариков. «Что же в доме этих злодеев может быть?» — подумал слуга Изреченного и вошел в кибитку. Добра всякого там было битком набито. Самое ценное слуга закопал, а остальное сжег. Возвратился к хозяину, положил на место меч и уснул.

Утром они встали, молча попили чай и двинулись дальше в путь.

Проехали еще семь дней — перед ними раскинулось большое черное озеро.

— Это то самое озеро, о котором говорил ваш отец. Едва ли мы до захода солнца успеем проехать его. Лучше здесь переночуем, — говорит слуга Изреченного.

— Может, успеем до захода солнца проехать. Ночевали же мы у черного кургана — ничего ведь не случилось, — сказал Изреченный.

— Пусть будет по-вашему, — ответил ему слуга. Только они подъехали к большому черному озе-

ру — лошади стали как вкопанные: из ушей и ноздрей их стала струиться алая кровь. Пришлось заночевать. В полночь заскулила черная собака. Поднялся слуга Изреченного на лошадей посмотреть. Видит — подходит к ним какая-то старушка, говорит:

— Что же это вы, видите кибитку, а в степи ночуете? Переночуйте у нас, не обижайте.

— А где же ваша кибитка? — спрашивает слуга Изреченного.

— А вон огонек светится, — показывает старушка в сторону большого черного озера.

— Спасибо. Вы идите, а я разбуду хозяина и вместе придем, — говорит слуга Изреченного.

Отправив старушку, слуга Изреченного взял короткий булатный меч хозяина, подошел к кибитке у черного озера и посмотрел, прислушиваясь, в щель — семь старух точат кинжалы, приговаривают:

— Вот добыча, вот попируем!

— Как же они от стариков наших ускользнули? — говорит одна из них.

— Может, днем проехали мимо. Может, дома их не было, — отвечает другая.

— Однако что-то долго их нет, пойди посмотри, — посылают они третью.

Только та за порог — ударил ее булатным мечом слуга Изреченного. Так он свалил и остальных. Самое ценное добро, которое было в их доме, слуга закопал, а остальное сжег.

Молча он возвратился к хозяину, незаметно меч положил на место и уснул.

Поднялись они с рассветом, развели костер, сварили чай, попили и дальше продолжали свой путь. Еще через семь дней показались белые пески. И тут слуга Изреченного предупреждает:

— Вон показались белые пески, о которых говорил ваш отец. Может, заночуем здесь? Поздно уже.

— Ничего страшного нет. Миновали два опасных места — ничего не случилось, — отвечает Изреченный.

Только они сравнялись с белыми песками — из ушей и ноздрей лошадей стала струиться алая кровь. Пришлось остановиться. В полночь опять заскулила черная собака. Поднялся слуга Изреченного лошадей посмотреть. Видит — подходит к ним восемнадцатилетняя красавица и говорит, будто песню поет:

— Ах, братья наши, что же это вы кибитку видите, а в степи ночуете? Приходите к нам. Вон огонек светится, — показывает она в сторону белых песков.

— Спасибо, сестрица. Вы идите, а я разбуджу хозяина и вместе приедем, — ответил слуга Изреченного.

Взял он незаметно булатный меч хозяина и пошел вслед за девушкой. Посмотрел он в щель кибитки — семь красавиц точат кинжалы.

— Вот добыча, вот попируем! — приговаривают они.

— Как же их наши отцы упустили? Как же их наши матери упустили? — говорит одна из них.

— Может, днем они миновали. Может, дома их не было, — отвечает другая.

— Что же их так долго нет? Пойди посмотри, — посылают они третью.

Только та за порог — слуга Изреченного ударил ее мечом. Так он расправился и с остальными. Самое ценное, что было в их доме, слуга закопал, а остальное сжег. Молча вернулся он к хозяину.

Утром продолжали они свой путь дальше. Проехали еще семь дней, оказались в царстве хана Бурула.

На окраине столицы распрягли своих лошадей, раскинули шатер, начали бойко торговать.

У хана Бурула были сын и дочь. Дочь его три года болела и не поднималась с постели.

Подружил Изреченный с сыном хана и целыми днями пропадал во дворце. Делами занимался слуга.

Однажды вечером слуга Изреченного развел огонь и начал готовить ужин. Откуда ни возьмись, появился поджарый, с горящими глазами огромный кот. Увидев его, черная мохнатая собака Изреченного сердито говорит:

— Что, мало стало отбросов из кухни хана Бурула и ты пришел поживиться на остатках со стола моих хозяев?

— Хо! Большую же ценность ты пожалел! — отвечал кот. — Знаешь ли ты, — продолжал он бахвалясь, — что я, превратившись в желто-пеструю змею, должен лишить твоего хозяина жизни?

— А знаешь ли ты, что твоей желчью излечится твоя хозяйка, пролежавшая три года в постели? — зло сказала на это собака.

Услышав эту перебранку, слуга Изреченного схватил лежавшую рядом лопату, бросил в кота, убил его и вынул желчь.

Вечером пришел Изреченный, сел ужинать.

— Есть ли дети у хана Бурула? — спросил его слуга.

— Есть у него сын, ровесник мне, да дочь, которая три года уже больна и лежит в постели. Очень плоха. Хан дал клятву выдать ее за того, кто излечит от болезни. Но где же найдешь такого жениха? — ответил Изреченный.

Через два — три дня слуга ему говорит

— Я бы попробовал излечить дочь хана.

Изреченный передал эти слова хану.

— Ну что ж, убытка от того, что попытаем счастья, не будет. Авось да поможет, — говорит хан.

Вызвали слугу Изреченного. Он отвел дочь хана в отдельную комнату, сделал вид, что заговаривает, колдует. Попойл ее с неделю желчью кота. С каждым днем ханской дочери становилось лучше, а через неделю она совсем поправилась. Жаль хану отдавать дочь за безродного слугу, но слово хана должно быть исполнено.

Хан сказал слуге Изреченного:

— Вылечил мою дочь — бери ее теперь в жены.

— Нет, не я, а хозяин мой будет ей женихом, — говорит слуга.

И выдал хан свою дочь за Изреченного.

Созвали всех жителей страны и задали невиданный пир. Семью семь — сорок девять дней справляли свадьбу, потом отправились в путь. Девяносто девять воинов сопровождали свадебную процессию.

Через семь дней пути процессия заночевала у больших белых песков. Когда все уснули, слуга Изреченного тихо поднимает своего хозяина и зовет с собой.

— Куда? — спрашивает Изреченный.

— Идите за мной! — отвечает слуга.

Пришли они туда, где было закопано добро семи девиц-злодеек. Удивляется Изреченный такому несметному количеству золота, серебра, драгоценных камней.

— Откуда это? — спрашивает он слугу.

— Потом расскажу, — отвечает слуга.

Так же они забрали добро семи старух и семи стариков.

Великой радостью встретили возвращение сына старик Менген Оркча и его старуха. Пир продолжался семью семь — сорок девять дней. За это время соткали из шерсти тысячи верблюдов-однолеток кошму и поставили для молодых белоснежную кибитку. В последний день пира ввели молодых в их дом, чтобы они начали новую, еще более счастливую жизнь.

Слуга Изреченного незаметно взял булатный меч хозяина, вырыл у порога яму и лег, охраняя Изреченного. Примерно в полночь что-то зашуршало, зашумело. И слуга видит, как в кибитку вползает огромная желто-пестрая змея. Вихрем поднялся со своего места слуга Изреченного и снес шипящую голову змеи. Разрубив змею на мелкие части, он закопал ее в той яме, где сам подстерегал оборотня. «Может, от ядовитой твари яд куда брызнул?» — подумал слуга Изреченного, зажег свечу, приподнял полог и посмотрел на спящих молодых. На щеке у жены Изреченного дымилась капля яда. Чистым платком он быстро снял эту каплю, опустил полог, незаметно положил меч на место и пошел к себе спать.

Утром жена Изреченного говорит своему мужу:

— Ваш слуга ночью погладил меня по щеке.

— Едва ли он это сделает, не такой он человек, — отвечает Изреченный и вызывает слугу.

— Жена говорит, что ты ночью погладил ее по щеке. Правда ли это? — спрашивает он.

— Нет, — отвечает слуга, — но основание так говорить есть. Помните, — продолжал он, — как вы первый раз попросили у отца кошелек золота и пошли торговать? Как вы отдали это золото, чтобы злой человек не кричал на могиле умершего? Я брат того мертвеца и пришел отблагодарить вас за вашу доброту.

И дальше слуга Изреченного рассказал ему обо всем, что он сделал ради Изреченного, и исчез в струйке легкого ветра.

— Не покидай меня, я тоже пойду с тобой! — крикнул Изреченный и побежал вслед за ветром.

Семью семь — сорок девять дней он бежал и наконец упал без чувств. Когда он очнулся и открыл глаза, перед ним снова появился слуга. Изреченный сказал:

— Я знал, что ты не покинешь меня.

— Но ведь я иду в далекое царство, туда тебе не дойти, — отвечает слуга.

А потом он подумал, подумал и говорит:

— Ну что ж, пойдем. Посмотрим, что скажет владыка того царства.

И вот они оказались в другом царстве.

— Почему ты пришел с этим человеком? — грозно спрашивает владыка царства.

Слуга рассказал о том, как он отблагодарил Изреченного за доброе дело, как они подружились и как Изреченный готов умереть, но только бы не расставаться с другом.

Расхохотался жестокий хан и сказал:

— Дружба? Разве эта вещь так сильна, как ты говоришь? А ну-ка, испытаем ее! — И хан захлопал в ладоши.

Появилось двое слуг.

— Испытать то, что они называют дружбой! — приказал он.

Бросили обоих друзей в холодную долину. На льду стоят раздетые люди. Со всех сторон свищет пронизывающий ветер. И нет спасения от лютого мороза. Слезы, наворачиваясь на глаза, превращаются в сосульки. Стоны, проклятия, мольбы слышатся со всех сторон.

Семью семь—сорок девять дней продержали двух друзей в холоде. Появляется слуга хана и спрашивает:

— Ну, каково, Изреченный? Не желаешь ли в тепло?

— Со мной мой друг, и, пока он здесь, я никуда не уйду, — отвечает Изреченный.

Удивленный этим ответом, слуга идет к хану.

— Бросить их в жаркую долину! — приказывает хан.

Все кипит, все горит в той долине. Кругом слышны проклятия и стоны.

Семью семь — сорок девять дней продержали друзей в жаркой долине. Появляется слуга хана и спрашивает:

— Ну, каково, Изреченный? Не желаешь ли в холод?

— Со мной мой друг, и, пока он здесь, я никуда не уйду, — отвечает Изреченный.

Удивленный этим ответом, слуга идет к хану.

Хан приказал привести друзей к себе.

— Ни один из моих слуг не выдерживает и семи дней этой пытки. Значит, я не властен над тем, что вы называете дружбой. Уходите в свой край и живите там.

Растянули слуги хана мост из конского волоса через пропасть, которая бесследно проглатывала все, что попадет в нее. Только через этот мост можно было выбраться из царства жестокого хана.

Когда начинал падать в левую сторону Изреченный, друг наклонялся вправо. Когда он сам начинал падать в правую сторону, Изреченный наклонялся влево. И перешли они волосяной мост, помогая друг другу.

— Не покидай меня, я тоже пойду с тобой! — крикнул
Изреченный и побежал вслед за ветром.

Вернулись они в свой край и стали братьями. Бывший слуга — старшим, Изреченный — младшим. И жили они счастливо много лет, а дружбу, рожденную добром, передали людям, ибо смерть, говорят, не властна над ней.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказка о славном юноше Маньвархане и прелестнолицой Венчике Небесного Лотоса	3
Бамба и красавица Булгун	33
О дружбе, победившей смерть	77

Для семилетней и средней школы

ДАВИД НИКИТОВИЧ КУГУЛЬТИНОВ

Бамба и красавица Булгун

Ответственный редактор Г. Р. Каримова

Художественный редактор Г. С. Вебер

Технический редактор В. А. Голубева

Корректора

В. Л. Данилова и А. Б. Стрельник

Сдано в набор 30/IV 1959 г. Подписано к печати 18/VII 1959 г. Формат 60 × 84¹/₁₆ — 6 печ. л. = 5,48 усл. печ. л. (3,79 уч.-изд. л.). Тираж 90 000 экз. Цена 2 р. 15 к.

А03938

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва,
Сущевский вал, 49. Заказ № 2005.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

*По разделу литературы народов СССР в 1959 году
издаются следующие книги по серии „Школьная
библиотека“:*

- Сборник — Край наш родной.
Рассказы и стихи писателей Российской Федерации
- Кузьма Чорный — Завтрашний день.
Рассказы
Перевод с белорусского
- Гулна Д. — Стихи.
Перевод с абхазского
- Либединский Ю. — Сослан-богатырь, его друзья и враги.
Повесть по мотивам нартского эпоса
Осетии
- Витаутас
Монтвила — Свет ваш не погас.
Стихи
Перевод с литовского
- Сборник — Наш Кста.
Рассказы осетинских писателей
Перевод с осетинского
- Мехти Гуссейн — Схватка.
Повесть
Перевод с азербайджанского

Эти книги можно приобрести в магазинах Книготорга.

Цена 2 р. 15 "